

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

НОВЫЕ КОНТУРЫ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ В ГЛОБАЛЬНОЙ МНОГОПОЛЯРНОЙ КОНКУРЕНЦИИ

ВИКТОР МИЗИН

МГИМО МИД России, Москва, Россия

Резюме

В статье рассматривается современная ситуация с концепцией стратегической стабильности в условиях кризиса во взаимоотношениях России с НАТО и США, а также появления новых влиятельных игроков. По словам В.В. Путина, система стратегической стабильности в мире продолжает деградировать. В то же время автор подчёркивает императивную задачу разработки новых основ и подходов к глобальным параметрам стратегической стабильности с учётом современных реалий. По мнению автора, новая концепция стратегической стабильности может быть сфокусирована не только на приоритетности недопущения ядерного конфликта между крупнейшими ядерными державами. Она должна учитывать всю совокупность факторов, определяющих военно-политическую ситуацию в современном мире, включая политические и социально-экономические тенденции глобального развития. Анализ назревшего системного поворота в мировых процессах невозможен без кардинальной переоценки всей парадигмы международной безопасности, и прежде всего концепции стратегической стабильности, являющейся теоретической основой как военной политики, так и подходов к контролю над вооружениями. Академическому сообществу требуется разработка принципиально инновационной стратегии контроля над вооружениями в новых условиях. Будет ли это двусторонняя российско-американская схема или многосторонняя конструкция — вопрос, требующий прояснения в процессе дипломатических консультаций. Требуемая концепция должна, очевидно, быть как многокомпонентной (стратегическое ядерное оружие, нестратегические ядерные системы, противоракетная оборона, «глобальный обычный удар», гиперзвуковое, кибернетическое, космическое, лучевое, дроны и другие «экзотические» виды и типы оружия), так и многосторонней (то есть должна учитывать ядерные силы и ядерный потенциал третьих стран, а не только двух традиционных соперников — России и США). Такая концепция стратегической стабильности должна, таким образом, быть гораздо более «целостной» и всеобъемлющей, охватывая не только военный потенциал ведущих держав, но и, принимая во внимание их политические отношения и разногласия, задачи обеспечения сдержанности и предотвращения крупных конфликтов в современном мире. Как таковая она предполагает всестороннее изучение реалий кризиса в международной системе, прежде всего в отношениях «диад» Россия–НАТО и Россия–США на фоне появления новых обладателей ядерных вооружений.

Дата поступления рукописи в редакцию: 12.05.2020

Дата принятия к публикации: 02.09.2020

Для связи с автором / Corresponding author:

Email: vmizin@hotmail.com

Помимо всего прочего, эти факторы возникающего соотношения сил в мире делают невозможным переход к безъядерному миру в обозримом будущем. В этой связи автор ставит перед экспертным сообществом задачу формулирования конкретных путей внедрения новых концептуальных основ оценки глобальных параметров эволюции мировой системы, разработки прагматических инициатив, которые могут быть предприняты для повышения общей стабильности и взаимодействия между США, НАТО, Россией и другими формирующимися глобальными игроками.

Ключевые слова:

глобальная безопасность; контроль над вооружениями; ядерное оружие; новые технологии; стратегическая стабильность; полицентричность; Россия; США; Китай; стратегический баланс; сдерживание.

Мировые процессы находятся в стадии фазового перехода в качественно новое состояние. Среди международных экспертов получают хождение тезисы о высокой турбулентности, об усилении вектора *хаотизации* в мировой политической жизни, волатильности существующих мировых процессов [Miller 2020]¹, что прямо противоречит «классическим» подходам о наличии некоторого международного порядка, [Bull 1977], разделяемым и рядом современных исследователей [Барановский 2017]. При всём многообразии и при всей сложности мировой системы происходит её кардинальная трансформация, которая может иметь непредсказуемые и даже крайне негативные последствия [Naas 2017]. Не оправдали себя концепции «конца истории» и «столкновения цивилизаций» (к последнему никак нельзя отнести борьбу с исламистским терроризмом и всплеск антизападных настроений в мусульманских кругах западных стран из-за исламистской пропаганды). Всего этого сейчас просто нет.

Новые «*драйверы*» мирового развития – особенно после начала коронавирусной пандемии – подвергают сомнению такие привычные концепции, как главенство «классического» либерализма, наличие мировой системы международных отношений или международного порядка, сущность и верховенство демократии и особенно лозунг её насаждения в развивающихся странах. Налицо кризис ранее принятых западным академическим сообществом концепций глобализации или «мультикультурализма».

Вся структура международных отношений качественно эволюционировала. Государства всё сильнее самоизолируются от системы прежних альянсов и коалиций, интеграционных блоков, предавая забвению концепции типа «Единой Европы». Разобщённость под лозунгами нового консерватизма и псевдопатриотизма на фоне разрастания в обществах ксенофобских тенденций и популистской риторики лидеров многих стран становится заметным явлением. После завершения «холодной войны» бессмысленно говорить об отсутствии острейшей конкуренции крупных держав и наивно верить в торжество идеалов всеобщего мира по Иммануилу Канту. В этих условиях страны-лидеры откатываются назад к ситуации XIX века – эпохе противостояния и «концерта великих держав», в основном пока ещё западных. После тридцатилетней интерлюдии в мировую политику вернулась конкуренция между ведущими державами.

На Западе политологи и политики заявляют о конце Вестфальской системы и будто бы об уходе в прошлое Ялтинско-Потсдамской системы [Spruyt 2000; Vaughan 2011; Dryzek 2012; Kreuder-Sonnen, Zangl 2015; Al-Kassimi 2016]². Множатся там и попытки расшатывания традиционных устоев международного права, ширится пренебрежение ключевыми прерогативами ООН и её Совета Безопасности. В результате фактического обструкционизма запад-

¹ См. также: *Haass R.N.* The Pandemic Will Accelerate History Rather Than Reshape It. Not Every Crisis Is a Turning Point. *Foreign Affairs*. April 2020. URL <https://www.foreignaffairs.com/articles/usa/2020-04-07/pandemic-will-accelerate-history-rather-reshape-it>

² См. также: *Kolesnikov A.* Re-defining Yalta: Putin at the UN. 05.11.2015. URL: <https://carnegie.ru/commentary/61486>

ных держав государственные деятели и эксперты всё сильнее критикуют едва ли не все международные и региональные организации (от ООН до Всемирной организации здравоохранения, от НАТО до ОБСЕ)³.

Тем не менее именно в ситуации нарастания разобщённости, поляризации мирового *политикума*, отгораживания от процессов глобализации в национальных границах, растерянности перед лицом кризиса системы международных отношений необходимы механизмы для принятия коллективных действий [Ostrogm 2010]. Их создание требует согласованных в глобальном масштабе усилий и не может стать продуктом решений, принимаемых на национальном уровне.

С начала 2020 г. стали множиться прогнозы о том, насколько пандемия COVID-19 изменит не только жизнь отдельных стран, но и международную систему в целом⁴. Скорее всего, это будут естественные мутации, без коренного передела миропорядка. Коллапс всей миросистемы маловероятен, хотя возможна рецессия экономики, для преодоления которой потребуются координация антикризисных мер многих ведущих государств⁵.

В энтропийной ситуации не срабатывает ставка на сдерживание, которая в современных реалиях неприемлема по своей

концептуальной архаике и на практике не удовлетворяет интересы его инициаторов. Подавляющее большинство стран отвергают практику диктата и навязывание двойных стандартов⁶. Вместе с тем сегодня требуются не широковещательные декларации и лозунги, рассчитанные на пропагандистский эффект, а выработка конкретной, пусть и «приземлённой» стратегии [Drezner, Krebs, Schweller 2020].

Инновационные решения необходимы и для купирования обострившегося в 2010-х годах противостояния России и стран НАТО во главе с США. Кризис на Украине и возвращение Крыма, помощь Сирии в борьбе с глобальным исламским мегатерроризмом, успехи в решении ключевых проблем — таких как положение на Ближнем Востоке, на Корейском полуострове и ситуация с Ираном — отчётливо обозначили (диалектически — несмотря на неприятие её политики и раздражение на Западе) усиление роли и повышение статуса России в мировой политике. США и их союзники будут продолжать диалог с «токсичной» Москвой, потому что её влияние бесспорно даже при ограниченных по сравнению с советским периодом ресурсах. На Западе осознают, что без России, в том числе и в формате пятёрки постоянных членов Совета Безопасности ООН, невозможно решить ряд глобальных

³ США вышли из Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО) и Совета ООН по правам человека (СПЧ ООН) в октябре 2017 г. и июне 2018 г. соответственно. США также объявили о намерении выйти из Всемирной организации здравоохранения 6 июля 2021 г., хотя кандидат в президенты от Демократической партии Джо Байден заявил, что он отменит это решение. Lee M., Lederman J. Trump administration pulls US out of UN human rights council. June 20, 2018. URL: <https://apnews.com/article/9c5b1005f064474f9a0825ab84a16e91; Congressional withdrawal legislation. United States House of Representatives. Archived from the original on November 7, 2007>.

⁴ Kissinger H. The Coronavirus Pandemic Will Forever Alter the World Order. Wall Street Journal. 03.04.2020. URL: <https://www.wsj.com/articles/the-coronavirus-pandemic-will-forever-alter-the-world-order-11585953005> (accessed: 30.06.2020).

⁵ Иванов И. Мир будет другим. Российский совет по международным делам. 20.04.2020. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/mir-budet-drugim/>

⁶ Путин В.В. Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности. 10 февраля 2007 года. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24034>; Путин В.В. на заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай». 22 октября 2020 года. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/64261>; Применение практики «двойных стандартов» как фактор возникновения конфликтов в современном мире. Центр стратегических оценок и прогнозов. ГКД <http://csef.ru/ru/oborona-i-bezopasnost/340/primenenie-praktiki-dvoynih-standartov-kak-faktor-vozniknoveniya-konfliktov-v-sovremennom-mire-6438>; Положение дел в мире: update — политика, экономика, развитие. Доклад Дипломатической академии МИД РФ. URL: <http://dipacademy.ru/press/287>. См. также: [Ноздрин 2012; Михайленко 2015].

проблем, таких как рост опасной военной активности и инцидентов, угроза распространения оружия массового уничтожения и международный терроризм, контроль ядерных программ КНДР и Ирана, киберпреступность, энергетическая проблема, изменение климата и экологический кризис, пиратство, наркоторговля и распространение инфекционных заболеваний.

В отношении Москвы коллективный Запад действует как единое целое, с единой выработанной программой – несмотря на известные и подчёркиваемые у нас в политологическом сообществе различия в подходах США и европейской части НАТО, «старых» и «новых» членов альянса, а также на позицию умиротворителей России среди представителей бизнеса или стран юга Европы. Многие на Западе сейчас понимают, что период конфронтации с Россией чрезмерно затянулся, приобрёл тревожные для мировой стабильности масштабы. В своей политической раздвоенности Запад, не отказываясь от политики сдерживания и давления, одновременно нацелен на продолжение диалога с Москвой в русле *Доклада Армеля* 1960-х годов.

С большой долей определённости можно констатировать начало нового периода в мировых делах, как и нового этапа в российской внешней политике. При этом её главные векторы остаются неизменными: это прежде всего открытость, предсказуемость, прагматизм, нацеленность на достижение и отстаивание национальных интересов без конфронтации. По мнению многих экспертов, Москва активно декларирует стремление стать новым полюсом влияния, а значит, и интеграционным, системообразующим игроком [Putin's Grand Strategy... 2014; Radin, Reach 2017]⁷. Сложно отрицать наличие у России стремления находить решения таких задач, как обеспечение на-

дёжной безопасности страны, укрепление суверенитета и территориальной целостности, сохранение за собой прочных позиций одного из влиятельных центров современного мира, поскольку это необходимо для роста её политического, экономического, интеллектуального и духовного потенциала. Как отмечал в 2012 г. в программной статье по внешней политике В.В. Путин: «Россия практически всегда пользовалась привилегией проводить независимую внешнюю политику. Так будет и впредь. Более того, я убеждён, что безопасность в мире можно обеспечить только вместе с Россией, а не пытаясь “задвинуть” её, ослабить её геополитические позиции, нанести ущерб обороноспособности»⁸. В фильме Владимира Соловьёва «Миропорядок 2018» Президент Российской Федерации заявил, что ядерный удар приведёт к глобальной катастрофе, после чего задался вопросом: «А зачем нам такой мир, если там не будет России?»

Суверенный курс приводит «вставшую с колен» Россию к противостоянию с борющимися за сохранение глобального влияния США, которое напоминает глобальное соревнование Москвы и Вашингтона времён «холодной войны». Соединённые Штаты всемерно стараются сохранить роль единственной сверхдержавы, в том числе в военной политике. Обострение противостояния прослеживается и в ядерной доктрине Вашингтона, как она раскрывается в «Обзоре ядерной политики» 2018 года. В целом этот документ следует ориентировать, установленным администрацией Барака Обамы в 2010 году. Вместе с тем Обзор администрации Дональда Трампа включает в себя несколько важных изменений. Самым существенным можно считать рекомендацию расширить номенклатуру и повысить роль ядерного оружия США. Обзор неприкрыто конфронтационен. Его

⁷ См. также: Russian Strategic Intentions A Strategic Multilayer Assessment, (SMA) White Paper, May 2019. URL: <https://www.politico.com/f/?id=0000016b-a5a1-d241-adff-fdf908e00001>; Russia's Sentimental Revisionist Approach to Competition and Conflict – A Future of Global Competition and Conflict Virtual Think Tank Report, NSI report. September 2019. URL: <https://nsiteam.com/russias-sentimental-revisionist-approach-to-competition-and-conflict-a-future-of-global-competition-and-conflict-virtual-think-tank-report/>

⁸ Путин В.В. Россия сосредотачивается. Известия. 16.01.2012. URL: <https://iz.ru/news/511884>

составители заявляют о конкуренции великих держав, формулируют планы разработки новых ядерных вооружений и модификации имеющихся. Сделан упор на расширение ядерных возможностей США для сдерживания, а в случае неудачи последнего — для победы как в ядерных, так и в неядерных стратегических конфликтах⁹. Будущие американские администрации, вне зависимости от конкретных персоналий, будут нацелены на продолжение курса по поддержанию глобального доминирования, в тесном взаимодействии с ключевыми союзниками по НАТО, и на весьма недвусмысленное, зачастую риторическое, противостояние с Россией — несмотря на некоторые обмолвки о готовности к диалогу.

Ни у США, ни у России не видно намерений изменить свою позицию ни по одному из вопросов. Из чего следует вывод, что продолжатся и взаимные санкции, и риторика, в своей жёсткости иногда превосходящая сдержанно-предсказуемую «холодную войну» и заставляющая многих политологов рассуждать о якобы уже ведущейся войне «гибридной» [Подлесный 2018; Белобров 2020].

2

Противостояние Запада и России по ряду ключевых мировых проблем, усилившееся после 2008 и особенно 2014 годов, затронуло и как бы на время выпавшую из разряда приоритетов мировой политики сферу контроля над вооружениями. Оказалось, что она уже не обладает иммунитетом от общего состояния политического климата между Россией и Западом, как это было в годы «холодной войны». Проблематика контроля над вооружениями сегодня крайне политизированна. В текущей ситуации технически готовые решения нельзя реализовать на практике, тем самым продвига-

ясь к заключению новых взаимовыгодных договорённостей в целях снижения международной напряжённости и уровня военной угрозы. Уже почти общепринятым в экспертной среде стало утверждение, что процесс контроля над вооружениями — бесспорно, ключевой фактор укрепления международной безопасности, от успехов которого зависит благополучие, да и выживание человечества — находится в глубоком кризисе [Арбатов 2015; Rumer 2018; Arbatov 2019; Brooks 2020; Ford 2020; Gottemoeller 2020; Pranay, Acton 2020].

Среди ведущих экспертов укрепляется убеждённость в том, что после краха договоров по противоракетной обороне и по ракетам средним и меньшей дальности, когда под вопрос поставлены Договоры о нераспространении ядерного оружия и по открытому небу, нас ожидает чуть ли не коллапс всей исторически сложившейся системы международно-правовых режимов в сфере контроля над вооружениями. Констатируется и отсутствие реализуемых рецептов по выправлению ситуации. В экспертном сообществе нарастает растерянность.

На фоне фундаментальных изменений в военно-технической сфере рост напряжённости между США и Россией прямо угрожает подорвать стратегическую стабильность. К этому ведёт появление новых киберсетевых, космических, высокоточных обычных, противоракетных, гиперзвуковых и основанных на искусственном интеллекте систем вооружений [Арбатов 2020]. Новые технологические возможности угрожают непредсказуемостью стратегической ситуации, повышают вероятность неправомерной её оценки, что увеличивает риск потери уверенности в потенциале сдерживания, в возможности нанесения потенциальному агрессору неприемлемого ущерба в кризисной ситуации¹⁰.

⁹ Nuclear Posture Review. Office of the Secretary of Defense. February 2018, Washington, DC. <https://media.defense.gov/2018/Feb/02/2001872886/-1/-1/1/2018-NUCLEAR-POSTURE-REVIEW-FINAL> (accessed: 01.03.2018).

¹⁰ Zwack P. Arms Control in the COVID-19 Era: No Next Step without New START. Kennan Cable No. 50. 2020. URL: <https://www.wilsoncenter.org/publication/kennan-cable-no-50-arms-control-covid-19-era-no-next-step-without-new-start>

Вашингтон и Москва придерживаются различных, зачастую и прямо противоположных взглядов на ситуацию в сфере глобальной безопасности. Тупиковое положение в этой области провоцирует новые серьёзные угрозы стабильности в мире, чревато неожиданными кризисами. Если российские лидеры постоянно подчёркивают, что их страна ни на кого не собирается нападать и лишь отстаивает свои законные национальные интересы, то Соединённые Штаты и НАТО упорно воспринимают Москву как новоявленного реваншистского игрока, намеревающегося восстановить гегемонию на постсоветском пространстве, практически по всей Европе, в Азии и Латинской Америке.

Однако ни серьёзнейшее с времён «холодной войны» комплексное многоканальное противостояние с Западом, ни продолжение санкционной борьбы отнюдь не означают, что российской военно-политической элите следует «взять паузу» или отказаться от активных внешнеполитических инициатив в области контроля над вооружениями и сокращения ядерных сил — при условии, конечно, поддержания паритета с оппонентами. Вот почему российской дипломатии было бы полезно сформировать здесь собственную повестку и буквально наступательно — в позитивном ключе — навязывать её партнёрам, пытаясь преодолеть нынешний системный кризис международной безопасности.

Главное теперь, в условиях слома Договора о ракетах средней и малой дальности, как признаёт экспертное сообщество, — добиваться **продления Договора по стратегическим наступательным вооружениям 2010 года**. Важность этого документа с его системами инспекций на местах базирования и обмена данными (уведомлениями) о стратегических силах сторон очевидна.

Теоретически России было бы важно договориться с США о дальнейших шагах на период после 2021 года, чтобы, даже в слу-

чае провала усилий по продлению ДСНВ, не допустить произвольного наращивания вооружений, поставить под контроль процесс развития и совершенствования стратегических ядерных сил обеих сторон, обеспечить предсказуемость и транспарентность, в том числе за счёт продолжения режима обязательных уведомлений и, возможно, интрузивных инспекций на местах. Маловероятно, однако, что российские военные согласятся на такие меры без юридически обязывающих договорённостей сторон.

В экспертном сообществе и в России, и в США уже намечаются интересные инициативы по дальнейшему развитию процесса контроля над стратегическими вооружениями. Было бы полезно также, чтобы Россия и США занялись проработкой параметров ядерного сдерживания, ядерных доктрин друг друга [Gallagher 2015; Reif, Mizin 2017; Arbatov 2019; Gottemoeller 2020].

Недопустимость любой войны между ядерными государствами должна быть, очевидно, закреплена юридически — например, принятием декларации по меньшей мере пятью официальными ядерными державами, повторяющей историческое Совместное заявление США и СССР на саммите в Женеве 1985 года («ядерная война не может быть выиграна и никогда не должна вестись»)¹¹.

Можно было бы согласовать параметры понижения разрешённых развёрнутых стратегических боезарядов до 1000–1200 единиц — с нынешнего уровня 1500. Прорабатываются и новые методики контроля — в том числе не только за носителями, но и за ядерными боезарядами — даже с инспекциями на местах их хранения, как бы фантастичным это сегодня ни казалось. Пока что, в условиях кризиса взаимного доверия и отсутствия постоянного диалога по стратегическим наступательным вооружениям, нереально добиваться договорённостей об уменьшении концентрации боезарядов

¹¹ Joint Soviet-United States Statement on the Summit Meeting in Geneva. November 21, 1985. URL: <https://www.reaganlibrary.gov/archives/speech/joint-soviet-united-states-statement-summit-meeting-geneva>

на стратегических носителях, развёртывании исключительно средств, обладающих повышенной выживаемостью, и об ускоренном сокращении «дестабилизирующих» систем.

В Договоре 2010 г. есть ряд проблем, которые необходимо решать в будущем. В частности, не учтён «возвратный потенциал» — складированные, неразвёрнутые ядерные боезаряды. Технически эта часть арсенала может быть доразвёрнута достаточно быстро, если какая-либо из сторон перестанет выполнять Договор. Тогда потенциалы стратегических наступательных вооружений увеличатся до 3500 боезарядов у США и 2400 у России. Кроме того, подсчёт вооружения стратегических бомбардировщиков в ДСНВ 2010 г. весьма условен («один бомбардировщик—один заряд»). Было бы полезно в будущих соглашениях вернуться к зачёту по фактическому их вооружению, как и в Договоре СНВ-1 (1991). Проблему ограничения крылатых ракет большой дальности — на чём российская сторона исторически настаивала на переговорах вопреки сопротивлению американских коллег — сейчас вряд ли удастся решить. Напомним, что уже более двадцати лет назад были проведены эксперименты, позволяющие определить наличие ядерных боеголовок на носителях и тем самым открывающие возможности запрета ядерных крылатых ракет.

Логично, чтобы будущие договорённости охватили все виды ядерного оружия, независимо от их дальности. Большинство новых «экзотических» российских ядерных систем (многие из них с неясной дальностью полёта), объявленных В.В. Путиным 1 марта 2018 года, будут полностью развёрнуты лишь в середине 2020-х годов. В рамках процедур ДСНВ российская сторона уже продемонстрировала американским инспекторам ракетно-планирующий блок «Авангард». Теоретически нужны определение и ограничения вновь развёртываемых ракетно-планирующих или аэробаллистических систем (которые запускаются как баллистическая ракета, а затем маневрируют к цели как гиперзвуковой летатель-

ный аппарат). Россия заявила о готовности включить новые стратегические системы, такие как «Авангард» и «Сармат», в потолок стратегических наступательных вооружений после их развёртывания (хотя они находятся в «серой зоне», так как действующий договор не охватывает аэробаллистические ракеты воздушного старта с дальностью более 600 км или системы частично-орбитального бомбометания (FOBS), такие как «Сармат»). Предстоит решить вопрос о силах третьих ядерных держав — видимо, это задача неблизкого будущего.

Относительно **ракет средней и меньшей дальности** желательно было бы продолжить активно склонять США (при молчаливой поддержке европейских стран) к согласованию новых меморандумов об ограничении таких систем, в том числе географическими районами, и комплекса мер доверия, открытости и обмена данными — каким бы иллюзорным прогресс в этом отношении сегодня ни представлялся.

В этой активной работе следовало бы задействовать не только наше научно-экспертное сообщество и военных специалистов, но также депутатов Федерального Собрания и представителей гражданского общества. Можно надеяться, что этот призыв будет услышан и в академических кругах Запада, среди реалистично настроенных политиков и дипломатов и среди широкой общественности, прежде всего Европы. Наши парламентарии могли бы, например, создать двусторонние целевые группы по проблеме с коллегами из Европейского парламента и парламента отдельных европейских стран, да и Конгресса США. Ведь, несмотря на нежелание «старых» европейцев, в принципе не исключено появление ракет средней дальности США в регионе. Причём уже не в Германии, как в 1980-х годах, а в Польше, Румынии, в Прибалтике. Это могут быть не только какие-то новые баллистические «Першинги-3» с подлётным временем около 3 минут, но и ракетно-планирующие системы с гиперзвуковыми крылатыми блоками, летающие по непредсказуемым траекториям, что серьёзно затруднит задачи их ран-

него обнаружения и перехвата. Это приближает вероятность сценария нашего упреждающего превентивного удара по ним, то есть резкий разворот российской ядерной доктрины, что, естественно, повысит угрозу эскалации в случае конфликта¹².

При сценарии, когда Россия и США начнут фактически рушить основы инфраструктуры разоружения и контроля над вооружениями, это будет лишь подталкивать малые и развивающиеся государства к выходу из режимов нераспространения ядерного оружия и контроля за ракетными технологиями.

Москве и Вашингтону предстоит вернуться к поиску **компромисса по ПРО**. Нельзя не согласиться с видным экспертом по вопросам безопасности, нынешним послом Российской Федерации в США А.И. Антоновым, что «при любых обстоятельствах политико-дипломатические усилия в этой сфере необходимо продолжать. Как представляется, российской и американской сторонам принадлежит особая роль в развитии сотрудничества в области ПРО между Россией и НАТО, и полное использование имеющегося потенциала может послужить основой для продвижения этого сотрудничества по конструктивному руслу» [Антонов 2012].

При этом следует иметь в виду, что, согласно Резолюции о совете и согласии Сената США на ратификацию нового Договора о стратегических наступательных вооружениях, никакие ограничения в сфере противоракетной обороны в принципе в настоящий момент невозможны. Соединённые Штаты намерены продолжить многолетние работы по развёртыванию многоэшелонированной системы ПРО своей территории и за её пределами, включая Европу (раздел «а»: пп. 12.Aii; раздел «в»: п. 1A; раздел «с»: пп. 2C, 2D, 2E). Более

того, противоракетная оборона должна находиться вне любых будущих переговоров в сфере сокращений ядерных вооружений (раздел «а»: п. 12.Aii)¹³.

В перспективе России предстояло бы договариваться с США и другими странами, располагающими противоракетным потенциалом, об ограничении числа ракет-перехватчиков стратегического назначения максимальным потолком. В первую очередь для России важно добиться неразмещения систем ПРО в непосредственной близости от её территории и в космосе. Иначе нам придётся рассматривать в качестве приоритетных целей все наземные и морские объекты противоракетной обороны США по миру и далее развивать собственное противоспутниковое оружие.

Было бы также полезно согласовать определённые меры транспарентности и разграничить системы противоракетной обороны: например, ограничить стратегическую оборону против МБР и БРПЛ в пределах взаимоприемлемых параметров, опираясь на параметры СНВ-III 1997 года, при этом позволяя региональным системам ПРО защищать от баллистических и крылатых ракет средней и малой дальности. Обе стороны могут достичь специального политического соглашения, которое не потребует ратификации Конгрессом США, где противоракетную оборону считают приоритетной программой.

Это может включать в себя: обмен общими планами по количеству и местам будущего развёртывания перехватчиков противоракетной обороны; меры транспарентности, включая посещение испытательных полигонов ПРО и различного рода уведомления; демаркацию между тактическими и стратегическими перехватчиками противоракетной обороны в соответствии с «Общими договоренностями, касающимися пер-

¹² По словам известного военного эксперта, бывшего начальника Главного штаба РВСН генерал-полковника В.И. Есина: «Если американцы всё-таки начнут разворачивать свои ракеты в Европе, нам ничего не останется, как отказаться от доктрины ответно-встречного удара и перейти к доктрине упреждающего удара». Звезда, 9 ноября 2018 года, <https://zvezdaweekly.ru/news/t/2018117102-0iaAl.html>

¹³ New START Treaty: Resolution of Advice and Consent to Ratification, Bureau of Arms Control, Verification, and Compliance. December 22, 2010. URL: <http://www.state.gov/t/avc/rfs/153910.htm>

вого согласованного заявления от 26 сентября 1997 года, касающегося договора по ПРО 1972 года»; и мораторий, по крайней мере на 10 лет, на развёртывание перехватчиков ПРО космического базирования. Можно было бы также обсудить политически обязательное обязательство о том, что противоракетная оборона территории стран не будет превышать 100 перехватчиков, хотя вряд ли возможно включить этот предел в общий потолок для боеголовок в будущем соглашении по договору СНВ. Сохранение 100 перехватчиков ПРО снизило бы количество стратегических носителей до 400, если в будущем будет согласован общий потолок по 500 боеголовкам.

В области **достратегических или тактических ядерных вооружений** (ТЯО) пока наблюдается традиционная тупиковая ситуация. Россия не намерена раскрывать места хранения своего ядерного оружия и предоставлять информацию о его количестве, считая эту тему надуманной и искусственно нагнетаемой¹⁴. Более того, Россия заявляет, что США модернизируют свой ядерный потенциал в Европе «с неясными целями» за счёт авиабомб В61-12, нарушая при этом Договор о нераспространении ядерного оружия, размещая тактические заряды в Европе на территории пяти стран-участниц НАТО. В нарушение ДНЯО, по мнению Москвы, в ходе совместных ядерных миссий Североатлантического альянса пилоты из неядерных государств обучаются применению ядерных вооружений.

США отказываются выводить тактическое ядерное оружие из пяти европейских стран на национальную территорию, что российская сторона выдвигает в качестве условия начала диалога.

Ни Россия, ни США не готовы отойти здесь от ранее заявленных позиций, несмотря ни на обязательство администрации Обамы по резолюции Конгресса начать с Москвой переговоры по этому вопросу, ни на заинтересованность ключевых европейских стран. При этом уже сегодня есть интересные наработки экспертов и неправительственных организаций, создающие субстантивную интеллектуальную основу для будущего переговорного процесса, в котором заинтересованы все страны Европы (см., например: [Zagorski 2011; Dvorkin 2013]). В частности, предлагаются следующие меры: сравнение доктрин применения тактического ядерного оружия и угроз в регионе, которые им надо парировать; обмен данными о наличии запасов и географии размещения объектов хранения зарядов, его типах и носителях; перевод таких средств из оперативного развёртывания в резерв и обязательство об отказе от их реактивации; предоставление информации о выполнении односторонних президентских инициатив 1991 г. о сокращении тактического ядерного оружия¹⁵. В дальнейшем возможны посещение мест хранения и предоставление свидетельств о действительной ликвидации вооружений, визиты для наблюдения за обучением

¹⁴ Россия не будет раскрывать информацию о местах хранения и количестве тактического ядерного оружия — МИД РФ. Ведомости. 02.02.2014. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2014/02/02/rossiya-ne-budet-raskryvat-informaciyu-o-mestah-hraneniya-i>; Ульянов М. При нынешней администрации США модернизация ядерного оружия приобрела беспрецедентный размах: Директор департамента МИД РФ о позиции Москвы по проекту бюджета Пентагона. Коммерсант. 2016. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2933981>

¹⁵ Chalmers M., Simon L. NATO's tactical nuclear dilemma. RUSI. URL: https://rusi.org/sites/default/files/201003_op_natos_tactical_nuclear_dilemma.pdf; Koivula T., Simonen K. Arms control in Europe: regimes, trends and threats. National Defence University. Series 1: Research publications. No. 16, National Defence University, Helsinki, 2017; Sweeney M. Reconsidering U.S. nuclear weapons in Europe, defense priorities. September 2020. URL: <https://www.defensepriorities.org/explainers/reconsidering-us-nuclear-weapons-in-europe>; Sauer T., van der Zwaan B. U.S. Tactical Nuclear Weapons in Europe after NATO's Lisbon Summit: Why Their Withdrawal Is Desirable and Feasible 2011. Belfer Center. URL: <https://www.belfercenter.org/sites/default/files/legacy/files/us-tactical-nuclearweapons-in-europe.pdf>; Meier O. An End to U.S. Tactical Nuclear Weapons in Europe?, Arms Control Association. URL: <https://www.armscontrol.org/act/2006-07/news-analysis-end-us-tactical-nuclear-weapons-europe>. См. также: [Kristensen, Korda 2019].

личного состава, созыв специальной консультативной группы по налаживанию диалога между Москвой и Североатлантическим альянсом, а также использование площадки Совета Россия—НАТО, начало «консультаций о консультациях» по этой теме. Все эти меры представляются делом неблизкого будущего, когда в той или иной мере снимутся нынешние острые разногласия между сторонами относительно ситуации с региональной безопасностью в Европе, восстановятся доверие и конструктивный диалог по проблематике безопасности.

Российские военные, как представляется, будут возражать против включения «тактического» ядерного оружия в будущие потолки ограничения ядерных сооружений по возможным договорённостям в продолжение Договора о сокращении наступательных вооружений. Такое включение нестратегических боезарядов в общий потолок ядерных сил потребовало — в целях обеспечения каждой стороне уверенности в соблюдении ограничений — разработки новых процедур мониторинга и проверки на объектах хранения, что ставило бы под угрозу конфиденциальность чувствительной информации о ядерном оружии, а потому порождало бы серьёзную проблему.

Если тематика ядерных вооружений пока представляется проблематичной, есть ряд направлений, по которым прогресс возможен: например, **меры укрепления доверия в Европе**, с решением якобы беспокоящего Пентагон вопроса о деэскалации путём эскалации для предотвращения опасной военной активности и инцидентов. Можно было бы проанализировать и вопросы о постоянной системе уведомления о внезапных учениях; об отказе от проведения их в Прибалтике, вблизи российских границ; о согласовании для подобных учений географических рамок. В том числе путём разработки документов, подобных Парижской хартии для новой Европы, Венскому документу о мерах доверия, запуска переиздания Хельсинкского процесса.

Полезно было бы рассмотреть **вопросы нераспространения оружия массового уничтожения и ликвидации международного**

терроризма с применением таких видов оружия, в том числе и в формате пятёрки постоянных членов Совета Безопасности ООН, обратиться к анализу ядерных программ КНДР и Ирана, проблем, связанных с использованием кибероружия и с киберпреступностью, путей нейтрализации тактики «гибридных войн».

Даже ограниченное продвижение с реализацией мер контроля над вооружениями помогло бы переломить нынешний застой, обеспечить большую предсказуемость и укрепить стратегическую стабильность. Естественно, такой системный поворот невозможен без кардинальной переоценки международной безопасности и, прежде всего, концепции стратегической стабильности. Потребуются выработка концептуально новых её основ, что, в свою очередь, не может не повлиять на практику военного строительства и подход к будущему контролю над вооружениями.

Э

Классическое понимание концепции стратегической стабильности было разработано в период затяжной конкуренции двух военно-политических блоков в XX столетии. Концепции устойчивости и гомеостазиса, предсказуемости и гармоничности пришли в социологию из ньютоновской механики, математики (в частности, из пионерских трудов выдающихся российских математиков А. Ляпунова и И. Вышнеградского по устойчивости дифференциальных уравнений), физики (импеданс), химии (устойчивость протекания химических реакций), термодинамики и других естественных наук — как результат исследований, начавшихся в XIX—XX веках. Эти понятия были введены для адаптации к внешней ситуации и событиям в мире, как парадигма динамического равновесия в системе, способной вернуться к исходному равновесию после получения внешних возмущений и вызовов. Вместе с тем даже среди математиков не было однозначного определения этого термина в теории игр. В международных политических исследованиях эти концепции проявились как

задача обеспечения столь желанного статус-кво и пресловутого баланса сил в мировой политике. Причём понимание терминов было весьма размытым: от определения оптимальных размеров ядерных арсеналов до путей предотвращения крупных международных кризисов [Colby 2018].

С ростом ядерных арсеналов после окончания Второй мировой войны стратегическая стабильность рассматривалась в логике гарантированного уничтожения: если ядерный потенциал сдерживания надёжно защищён от угрозы первого удара вероятного противника, ядерным державам не придётся бесконечно наращивать свои стратегические силы или придерживаться стратегии превентивно «запустить или потерять» (launch or lose) свои стратегические наступательные вооружения в период реального или мнимого кризиса [Yost 2011; Koblenz 2014]. В идеале противники воздерживались бы от излишне провокационных шагов, дабы избежать неконтролируемой эскалации конфликта. По словам автора современной концепции стабильности Т. Шеллинга, «равновесие устойчиво только тогда, когда ни один из них [противников. – В. М.], нанося первый удар, не может уничтожить способность другого нанести ответный» [Shelling 1960].

При всей экстравагантности и даже циничности эти концепции объективно обеспечивали идейную базу стратегии ядерного сдерживания и, следовательно, стратегической стабильности [Kissinger 1957; Osgood 1957; Schelling 1958; Brodie 1959; Wohlstetter 1959; Kahn 1960]. Это требовало сотрудничества и доверия в согласованной деятельности. Необходимо было придерживаться единой идеологии, концепций и терминов, с тем чтобы совместно работать в целях уменьшения опасности ядерной войны, руководствуясь общими принципами и толкованиями. В начале 1970-х годов, в ходе переговоров об ограничении стратегических вооружений, такие гуру, как Т. Шеллинг, А. Уолстеттер, Г. Кан, Г. Киссинджер, Б. Броди, П. Нитце, разработали понятия «взаимно гарантированное уничтожение», «контрсилловые», «контрценно-

стные» стратегии, «ограниченные войны» ниже порога тотальной войны. Тогда же П. Нитце предложил концепцию «стабилизирующих и дестабилизирующих» видов стратегических вооружений, надолго ставшую темой дискуссий двух тогдашних сверхдержав с их противоположными взглядами на более опасные, то есть отсутствующие у них, системы.

Сотрудники реформатора американской военной стратегии Р. Макнамары предложили концепцию достаточности уровней развёртывания стратегических вооружений [Enthoven, Smith 1971]. Р. Макнамара продвигал тезис о том, что ядерное оружие ценно в первую очередь не как практический инструмент достижения победы в войне, но как оружие, угроза применения которого может её предотвратить. Примечательно, что уже в то время данный термин подвергался сомнению, как по сути не отвечающий реалиям стратегического соревнования между СССР и США в ситуации, когда, по мнению американской стороны, советское военное командование его игнорировало [Yost 2011: 27–28]. Тем не менее сама идея, будучи впоследствии расширенной и углублённой, легла в основу концепции «взаимно гарантированного уничтожения», которая была детально разработана американской стратегической мыслью, а впоследствии принята советской стороной. В конечном счёте, как отмечали ведущие западные теоретики, всё сводилось к анализу советско-американского ядерного противостояния и эффективности ядерного сдерживания [Gray 1974]. Американские эксперты допускали расширенное толкование этой концепции, помимо традиционных вариантов – кризисной стабильности, стабильности гонки вооружений и стабильности первого удара. Такое деление на самом деле искусственно и, по сути дела, означает одно и то же [Colby 2018].

Классическая концепция стратегической стабильности стала основой развития стратегических сил СССР и США и оценок вероятности возникновения и течения возможных ядерных конфликтов. Практиче-

ски всем современным экспертам, в том числе и прежде всего ведущим российским аналитикам, по окончании «холодной войны» стала очевидна нарастающая неадекватность этой концепции [Влияние технологических факторов... 2017; Арбатов 2018; Дворкин 2018; Кокошин 2018; Trenin 2018; Тренин 2019]¹⁶. Ведущие специалисты отмечали необходимость её коренной трансформации с учётом комплексных реалий XXI века.

4

Новаторские подходы представляются особенно своевременными, поскольку в последние годы принципиально изменилась расстановка политических сил, сформировались новые союзы и интеграционные группировки, обозначилась новая схема отношений между большими и малыми странами. Возникли новые вызовы безопасности и новые технологии, потенциально применимые для создания вооружений. В развивающейся многополярной международной системе появилось множество непредвиденных факторов, возникли принципиально новые социальные, экономические, технологические, религиозные и идеологические тенденции. Военные потенциалы, как и сохраняющаяся ситуация ядерного сдерживания, — лишь часть чрезвычайно сложного уравнения стратегической стабильности.

В области технологий появление стратегического неядерного оружия, прогресс в области кибертехнологий, взрывное развитие систем искусственного интеллекта, потенциальное появление космического,

противоспутникового и гиперзвукового оружия, разведывательно-ударных дронов различного вида базирования непосредственно влияют на стратегическую стабильность. Применение таких систем вооружений в сочетании с ядерным оружием может резко дестабилизировать стратегическую обстановку. По мнению экспертов, высокоточные неядерные системы с глобальным охватом могли бы позволить ведущим военным державам осуществлять стратегические атаки с использованием обычных вооружений¹⁷.

Даже если давно предсказываемая новая «революция в военном деле» не произойдёт, эти новые тенденции, несомненно, должны быть учтены в современной концепции стратегической стабильности.

В области информационного противостояния всё большее внимание уделяется концепции «гибридных войн», в развитии которой Россия и США обвиняют друг друга¹⁸. Эта концепция предполагает использование в стратегических и геополитических интересах всех возможных средств злонамеренного воздействия. Такая активность включает прежде всего невоенные инструменты (элементы «мягкой силы», информационной войны, психологического саботажа, различные виды подрывной и диверсионной деятельности, организация «цветных революций» и хакерских атак, троллинг в СМИ и Интернете).

Стратегическая стабильность требует полного контроля над всеми средствами сдерживания со стороны гражданского и военного руководства в целях предотвращения случайного и несанкционированно-

¹⁶ См. также: Дворкин В.З. Постстратегическая стабильность и дестабилизирующие факторы // Независимое военное обозрение. 2013. № 6; Дворкин В.З. О «заблудших овцах и пастырях». Стратегическая стабильность в новых условиях // Независимое военное обозрение. 2014. № 4; Рогов С.М., Есин В.И., Золотарев П.С., Кузнецов В.С. Стратегическая стабильность в XXI веке // Новое военное обозрение. 2012. № 43.

¹⁷ Одна из «пионерских» работ по теме [Эктон 2014].

¹⁸ Герасимов В. Ценность науки в предвидении. Новые вызовы требуют переосмыслить формы и способы ведения боевых действий. 26 февраля 2013 // Военно-промышленный курьер. URL: <https://vrk-news.ru/articles/14632>; Плухов Р.Н. Миф о «гибридной войне». Никаких принципиально новых действий наша армия в Крыму и на Украине не вела // Независимое военное обозрение. 29.05.2015; Korybko A. Hybrid Wars: The Indirect Adaptive Approach To Regime Change. URL: <http://orientalreview.org/press-release/>; Popescu N. Hybrid tactics: neither new nor only Russian. EUISS Issue. 2015. Alert 4. См. также: [McCuen 2008; Murray, Mansoor 2012; Манойло 2015].

го применения любого вида ядерного или просто стратегического оружия. Развитие кибертехнологий ставит новую задачу, вызванную появлением принципиально новых потенциальных угроз со стороны государственных структур и хакеров, стремящихся получить доступ к системам вооружения. В частности, кибератаки могут ослабить потенциал сдерживания противника перед ядерным ударом (некоторые американские эксперты утверждают, что Соединённые Штаты уже давно вовлечены в кибервойну с Китаем, Россией, Ираном и Северной Кореей, что с некоторыми усилиями они могли бы идентифицировать атрибуцию атак¹⁹. Трудности с надёжным выявлением или отслеживанием источников таких атак, а также неопределённость, связанная с характером ответных мер, делают стратегическую стабильность ещё менее достижимой.

На политическом уровне в мире складывается принципиально новая расстановка сил. С одной стороны, имеет место ощутимое ослабление глобального порядка, с другой – появляются новые лидеры, которые борются за влияние. Мир погрузился в состояние постоянной региональной нестабильности в условиях непрерывных интенсивных технологических инноваций.

Попытки **Вашингтона** сохранить своё политическое, экономическое и особенно военное доминирование в мире на фоне растущего влияния Китая и России, используя в качестве инструментов НАТО и всё менее поддерживающий их Европейский Союз, следует признать малоуспешными. Мировая сцена отмечена появлени-

ем новых игроков с исторически наследуемыми «имперскими» традициями, которые стремятся вернуть былое глобальное влияние (Китай, Индия, Иран, Турция и некоторые мечтающие о халифате арабские государства).

Соединённые Штаты сталкиваются с глобальным вызовом со стороны Китая и находятся в обостряющейся конфронтации с Россией. Соперничество между США и Китаем стало руководящей парадигмой международных отношений, определяющей не только стратегические взаимоотношения, но и реальную политическую, военную и экономическую динамику. Библиотеку международника составляют сегодня американские работы и официальные доклады о необходимости «решительным образом» жёстко в военном плане сдерживать Китай. В Обзоре ядерной политики 2018 г.²⁰ обращает на себя внимание отказ от прежнего тезиса о необходимости поддерживать стратегическую стабильность с КНР.

Это обстоятельство особенно парадоксально, если учесть теснейшее переплетение и взаимозависимость экономических и финансовых систем двух стран, даже при скатывании к новой «холодной войне». В то же время Китай и Россия рассматривают друг друга как стратегических партнёров. Они проводят многочисленные совместные манёвры и военно-морские учения по всему миру, тесно сотрудничают по совместным системам противоракетной обороны и созданию систем предупреждений о ракетном нападении российского производства. Коммунистический Китай,

¹⁹ *Geers K., Kindlund D., Moran N., Rachwald R.* World War C : Understanding Nation-State Motives Behind Today's Advanced Cyber Attacks. FireEye. 2014. URL: <https://www.fireeye.com/content/dam/fireeye-www/global/en/current-threats/pdfs/fireeye-wwc-report.pdf>; *Футтер Э.* Ядерное оружие в век информационных технологий: новые вызовы с точки зрения безопасности, стратегии и стабильности. 2016. Валдайская записка № 56. URL: <http://ru.valdaiclub.com/files/13032/>; *Добровольский В.* НАТО готова к коллективной обороне при кибератаках, но не во всех случаях. РИА Новости. 14.06.2016. URL: <http://ria.ru/world/20160614/1447513284.html#ixzz4Be5c0CYs>; *Pellerin Ch.* Cyber, Space, Middle East Join Nuclear Triad Topics at Deterrence Meeting. DoD News, Defense Media Activity. Washington D.C. 27.07.2016. URL: <https://www.defense.gov/News/Article/Article/873507/cyber-space-middle-east-join-nuclear-triad-topics-at-deterrence-meeting/>.

²⁰ *Wang R.* Making Sense of Chinese Reactions to the US 2018 Nuclear Posture Review. How is the Trump administration's Nuclear Posture Review perceived in China? The Diplomat. February 27, 2018. URL: <https://thediplomat.com/2018/02/making-sense-of-chinese-reactions-to-the-us-2018-nuclear-posture-review/>

несмотря на декларативно-успокоительные утверждения его руководства, изготовился в долгосрочной перспективе стать мировым гегемоном [Михеев, Луконин, Игнатьев 2017; Danper 2019]²¹. Пока, однако, для этого ему недостаёт политико-дипломатического опыта, военной мощи и ресурсов «мягкой силы». В будущем с учётом традиционной китайской идеологии возрождения Поднебесной как великой империи будет представлять проблемы не только для США, но в перспективе и для ныне дружественной России. Взаимодействие России с КНР носит привилегированный характер и определяется формулой «отношений всеобъемлющего равноправного доверительного партнёрства и стратегического взаимодействия, взаимной поддержки, совместного процветания и дружбы, передающейся из поколения в поколение»²². Как правило (когда это не идёт вразрез с его важнейшими интересами), Пекин поддерживает российскую внешнюю политику по ключевым мировым проблемам, в том числе и в Совете Безопасности ООН. Вопрос о взаимной угрозе в отношениях России и Китая полностью и окончательно снят, что соответствующим образом закреплено на договорно-правовом уровне. В Совместной декларации об основах взаимоотношений между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой от 18 декабря 1992 г. подчёркивается, что «все спорные вопросы между двумя государствами будут решаться мирными средствами». Впрочем, было бы недальновидным недоучитывать и наличие несовпадающих и даже конфликтных интересов у России и Китая – при том, что экономиче-

ская компонента наших отношений значительно отстаёт от политической и военной. В перспективе Китай настойчиво продолжит нащупывать пути обретения глобального лидерства. В данной ситуации для Пекина и Вашингтона критически важно перетянуть на свою сторону Москву – чему последней нельзя поддаваться. Вместе Россия и Китай составляют реальную силу, способную сдержать США. Это создаёт достаточно прочную основу для укрепления стратегического сотрудничества Москвы и Пекина в деле совместной защиты их совпадающих интересов.

Взаимоотношения в треугольнике Россия–США–Китай фактически будут определять характер международных отношений на длительную перспективу. Для того чтобы не допустить укрепляющегося альянса Москвы и Пекина, Вашингтон и НАТО будут вынуждены пойти на определённые уступки российской стороне. В этой связи немаловажно, как к такому соревновательному раскладу будут относиться ЕС (при всём различии подходов у его членов) и новые, пока региональные центры силы, такие как Индия и Бразилия. Ни страны Европы, ни в ещё большей мере страны Азиатско-Тихоокеанского региона, Индия, Япония, АСЕАН и Австралия не могут отказаться от взаимоотношений с Китаем, несмотря на серьёзные противоречия с этой страной и реальные опасения перед усилением влияния Пекина. **Индия** выдвигается как потенциальная мировая держава, которая поддерживает дружественные отношения с Россией и Соединёнными Штатами, но находится в открытой конфронтации с Китаем.

²¹ См. также: *Latham A.A.* Why China's Push For Global Dominance Is Not Going So Well Instead of a rising power, could China be a faltering one? *National Interest*. September 15, 2020. URL: <https://nationalinterest.org/blog/reboot/why-chinas-push-global-dominance-not-going-so-well-168932>; *Heer P.* Understanding U.S.-China Strategic Competition. *National Interest*. October 20, 2020. URL: <https://nationalinterest.org/feature/understanding-us-china-strategic-competition-171014>; *Du K.* Does China have the soft power necessary to become the global hegemon? *Australian Institute of International Affairs*. 7 October 2017. URL: <https://www.internationalaffairs.org.au/resource/china-soft-power-necessary-become-global-hegemon/>; *Gvosdev N.K.* Russia and US National Interests: Maintaining a Balance of Power in Europe and Asia, August 05, <https://russiamatters.org/analysis/russia-and-us-national-interests-maintaining-balance-power-europe-and-asia-2020>

²² Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики. Президент России. 25.06.2016. URL: <http://kremlin.ru/supplement/5100/print>.

На региональном уровне, после сфокусированного на себе основного внимания в 1950-х – 1990-х годах «центрального баланса» стратегического противостояния Москвы и Вашингтона и руководимых ими альянсов, о себе заявили державы, разработавшие и развернувшие ядерное оружие: Израиль, Индия, Пакистан и КНДР. Их потенциалы уже не могут не приниматься во внимание при расчёте соотношения сил и оценке угроз ведущими державами. Региональные противостояния уже стали реальностью, а следовательно, возникла и угроза ограниченной ядерной войны между державами среднего уровня (*medium-size nuclear powers*). В новых условиях важна способность пятёрки постоянных членов Совета Безопасности ООН предотвращать прямые военные столкновения на региональном уровне, в том числе неядерные, что также является теперь условием поддержания стратегической стабильности.

Таким образом, на смену биполярному и недавно однополярному мировому порядку приходит сложная конфигурация держав. Угроза давно предрекаемого ядерного терроризма или неожиданного удара со стороны околоядерных держав, заметное ослабление режимов нераспространения оружия массового уничтожения в условиях появления новых видов вооружений – все эти риски поставили вопрос о соответствии традиционных представлений о стратегической стабильности современным реалиям полицентричного мира.

Непрекращающиеся всеохватывающие кризисы (между Россией и Соединёнными Штатами, Россией и НАТО, Китаем и Соединёнными Штатами, конфликты на Ближнем Востоке и в Индо-Тихоокеанском регионе) неизбежны. Вовлечённые в них

страны придерживаются совершенно разных концепций стратегической стабильности и не отказываются от совершенствования оборонных потенциалов. США сделали участие Китая в переговорах главным условием своего согласия на продолжение процесса сокращения стратегических наступательных вооружений.

В ходе брифинга на венских консультациях 22 июня 2020 г. американские представители призывали российских коллег побудить Пекин присоединиться к переговорам. Между тем официальная позиция Москвы состоит в отсутствии намерения давить на Китай. Со своей стороны, на той же встрече российская делегация предложила, чтобы в случае заключения какого-либо будущего соглашения по СНВ в него были включены ядерные силы Великобритании и Франции – хотя Лондон и Париж такой вариант постоянно отвергают²³.

По оценкам экспертов, Китай сейчас осторожно переходит от прежней стратегии минимального сдерживания к копированию стратегии российского стратегического «ответно-встречного удара». Начать анализ таких возможностей заставили Китай прогресс технологий и изменения в сфере безопасности. Усиленными темпами в КНР происходит наращивание ракетного и в целом ядерного, а также военно-морского потенциала²⁴.

Белая книга Китая по вопросам военной стратегии, выпущенная в 2015 году, впервые содержала требование «улучшить стратегическое раннее предупреждение» и усовершенствовать систему ядерных сил²⁵. Среди военных КНР раздаются призывы обеспечить возможность нанести удар по предупреждению и ответно-встречный удар прежде, чем ракеты агрессора причинят

²³ *Rising D.* US, Russia hold new nuclear arms talks, but without China. The Associated Press. 23.06.2020. URL: <https://www.defensenews.com/global/the-americas/2020/06/23/us-russia-hold-new-nuclear-arms-talks-but-without-china/>

²⁴ US Defense Department. 2017. Annual Report to Congress: Military and Security Developments Involving the People's Republic of China 2017. Office of the Secretary of Defense, 15.05.2017. URL: https://www.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2017_China_Military_Power_Report.PDF.

²⁵ China's Military Strategy. Beijing: State Council Information Office of the People's Republic of China, 2015. URL: http://www.chinadaily.com.cn/china/2015-05/26/content_20820628.htm

серьёзный урон²⁶. Поскольку при таких условиях Китай совершит контрудар уже после того, как будет произведён пуск ракет противника, изменение доктрины не приведёт к отказу от исторически принятой стратегии отказа от первого применения ядерного оружия и пресловутого «минимального сдерживания».

С учётом важности для США космической группировки, американских военных особенно беспокоит разработка КНР противоспутникового оружия. В январе 2007 г. Пекин провёл успешное испытание, в ходе которого баллистическая ракета КТ-1 уничтожила выработавший ресурс метеорологический спутник «Фэньюнь-1» (FY-1C Fengyun).

Ускоренная модернизация стратегических ядерных сил означает, что Китай стремится создать полноценную ядерную триаду, такую же, как у России и США. Он будет совершенствовать и наращивать свой ядерный оружейный потенциал в условиях полной непрозрачности, как политико-военный инструмент для решения задач по превращению в лидирующую державу мира. В перспективе это может стать не только серьёзной угрозой для США, но и повлиять на дальнейшее развитие стратегических ядерных сил России.

Можно предположить, что мир движется от биномной концепции периода «холодной войны» (наличие у СССР/России и США жизнеспособных стратегических сил и отсутствие стимулов к первому удару СНВ) к новой концепции, одновременно многокомпонентной (стратегическое и нестратегическое ядерное оружие, противоракетная оборона, глобальный высокоточный обычный удар, гиперзвуковое, кибер-, космическое и другое «экзотическое» оружие) и многосторонней (с учётом ядерных сил и потенциалов третьих стран). При рассмотрении вопроса о способах достижения стабильности эта концепция должна взвешивать все обстоятельства.

Сдерживание – перекрёстно – будет осуществляться на разных уровнях всеми ядерными державами друг в отношении друга.

Модель стратегической стабильности с такими множественными вводными будет намного сложнее, чем её версия периода «холодной войны», даже если первоначально попытаться построить её графически, а не математически-функционально. Подобная концепция стратегической стабильности была бы намного объёмнее, охватывала бы спектр новых проблем, включая военные потенциалы ведущих держав, и выходила бы за традиционные рамки, учитывая также политические взаимоотношения и противостояния держав. Соответственно, было бы крайне нелегко увязать классическую концепцию с новой, а также выработать общий алгоритм, который приводил бы к реалистичным прогнозам и рекомендациям по укреплению стратегической стабильности.

5

Как уже отмечалось, с начала 2000-х годов геополитический, технологический и психологический ландшафт, который в прошлом помог предотвратить войну между ядерными державами, существенно изменился. Принципиально изменились концепция и условия стратегической стабильности, сами инструменты предотвращения ядерного конфликта. Для поддержания или даже укрепления стратегической стабильности в этих усложняющихся и быстро меняющихся условиях многие прежние концепции и стратегии нуждаются в пересмотре и корректировке.

Новая концепция стратегической стабильности предполагает учёт всех появившихся в последние десятилетия факторов международной безопасности и гонки вооружений [Colby 2018]. Российским и западным военным и экспертам предстоит разработать новую «философию военного дела», представить современную версию

²⁶ Kulacki G. The Chinese Military Updates. China's Nuclear Strategy. Boston, Union of Concerned Scientists, 2015. URL: <https://www.ucsusa.org/sites/default/files/attach/2015/03/chinese-nuclear-strategy-full-report.pdf>

«нового мышления во внешней политике», учитывающую тренды мирового развития и разработки инновационных средств ведения войны, появившиеся среды и методы противостояния (например, появление новых видов оружия массового уничтожения, сетцентрические и информационно-оружейные угрозы, кибервойны и др.)²⁷. Новое понимание стратегической стабильности должно включать в себя отказ сторон от совершения враждебных действий друг в отношении друга, поиск конкретных путей снижения вероятности нанесения упреждающего разоружающего удара. В перспективе, через укрепление доверия и устранения поводов для взаимной подозрительности, не исключён и отказ от взаимного сдерживания России и США.

Сказанное не означает, что стратегическая стабильность в её «классическом» понимании уже не важна и должна быть отброшена. Она и сегодня пригодна для анализа ядерного противостояния России и США, России и НАТО — подобно тому, как ньютоновская физика объясняет мир привычный, но для изучения процессов микромира требуется инструментарий квантовой механики. Современное понимание стратегической стабильности не ограничивается отсутствием стимулов к нанесению первого удара в ситуации ядерной конфронтации (таково определение этого термина в узком смысле). Обеспечение кризисной стабильности по-прежнему означает отсутствие мотива для нанесения упреждающего удара на начальном этапе конфликта. Логика ядерного сдерживания (угроза неминуемого возмездия — последующий неприемлемый ущерб) практически неизменна. Именно неприемлемый ущерб задаёт параметры оптимального состава и размера стратегиче-

ских арсеналов, будучи главным фактором удержания потенциальных противников от агрессии и тем самым сохраняя стратегическую стабильность. По-прежнему актуальны определения Совместного заявления США и СССР относительно будущих переговоров по ядерным и космическим вооружениям и дальнейшему укреплению стратегической стабильности от 1 июля 1990 года²⁸. Прежде всего, это понимание этого термина как стратегических отношений, устраняющих «стимулы для нанесения первого ядерного удара». Кроме того, важнейшими моментами сформулированной тогда концепции было то, что целями будущих переговоров СССР и США должны будут стать дальнейшее снижение риска развязывания войны, особенно ядерной, и обеспечение транспарентности и предсказуемости путём дальнейшего стабилизирующего сокращения стратегических арсеналов обеих стран. Это должно было быть достигнуто путём поиска соглашений, которые повышали бы живучесть, устраняли стимулы для ядерного первого удара и реализовали бы соответствующую взаимосвязь между стратегическими наступательными и оборонительными вооружениями. В XXI веке так понимаемая стратегическая стабильность продолжает лежать в основе российско-американского диалога по проблемам ядерных вооружений.

Вместе с тем происходящее переосмысление понятия «стратегическая стабильность» ввиду описанных выше новых технологических и политических условий в конечном счёте делает его синонимичным категории международной безопасности. Это уже чётко осознают и ведущие российские эксперты в этой области [Влияние технологических факторов... 2017; Арбатов

²⁷ Путин В.В. Быть сильными: гарантии национальной безопасности для России // Российская газета. 17.02.2012. URL: <https://rg.ru/2012/02/20/putin-armiya.html>

²⁸ Soviet-United States Joint Statement on Future Negotiations on Nuclear and Space Arms and Further Enhancing Strategic Stability. — June 1, 1990, <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/soviet-united-states-joint-statement-future-negotiations-nuclear-and-space-arms-and>; Совместное заявление о будущих переговорах по ядерным и космическим вооружениям и дальнейшему укреплению стратегической стабильности. Государственный визит Президента СССР М. С. Горбачева в Соединённые Штаты Америки, 30 мая — 4 июня 1990 года. Документы и материалы. М.: Политиздат, 1990. С. 335.

2018; Дворкин 2018; Кокошин 2018; Trenin 2018; Тренин 2019]²⁹. Сегодня необходимо наметить новую парадигму стратегической стабильности как построение системы формирующегося мирового порядка, способного защитить отдельные регионы (Россию и всю Евразию), а также мир в целом от крупных внешних вооружённых конфликтов и стратегических вызовов, угрожающих интересам всех стран, а в случае политического кризиса блокировать их сползание в фазу военного противостояния.

Для России стратегическая стабильность означает некое желаемое состояние в системе международных отношений, которое не позволяло бы любым крупным международным конфликтам выходить за пределы своей предвоенной, невоенной фазы [Мизин 2019]. Таким образом, стоит вопрос не только о предотвращении ядерных конфликтов между державами, но и о достижении такого состояния международной системы безопасности на глобальном и региональном уровнях, при котором между государствами установлены дружеские и миролюбивые гармоничные отношения [Colby 2018: 117]. Современное видение стратегической стабильности, не сводимое исключительно к алгоритмам ядерного противостояния двух сверхдержав, представляет собой своего рода мегапарадигму [Koblenz 2014].

Естественным образом просматриваются следующие возможные меры по поддержанию стратегической стабильности:

- теоретическая и практическая работа по ядерному сдерживанию в формате Россия и США;

- сдерживание Россией ядерных сил Великобритании и Франции, а также КНР;

- усилия по поддержанию по мере возможности стабильности и региональных ядерных балансов, включая нестратегическое ядерное оружие;

- в ситуации ядерной многополярности учёт и постепенное вовлечение в диалог неофициальных ядерных держав – Индии, Пакистана, КНДР и Израиля;

- продумывание инновационных механизмов предотвращения военных столкновений и ограничения гонки вооружений, разработка новой концепции контроля над вооружениями; изучение возможностей отказа ядерных держав от стратегий взаимно гарантированного уничтожения, изучение возможности отказа в будущем от стратегии запуска стратегических наступательных вооружений по оповещению;

- разработка мер контроля по всему спектру новых неядерных типов и видов вооружений: различного рода дронов, современных высокоточных обычных вооружений, космических (включая ПРО), на новых физических принципах (лучевых, импульсных и др.), гиперзвуковых, киберсетевых, на основе искусственного интеллекта, нейтрализация ресурсов информационного и гибридного воздействия;

- выстраивание миропорядка, способного уберечь отдельные регионы (например, Евразию), а также мир в целом от угроз крупных вооружённых конфликтов и стратегических вызовов, угрожающих интересам всех стран в случае возникновения политического кризиса³⁰;

- разработка в региональном и глобальном форматах правил поведения в военно-стратегической и военно-политической сферах, а также мер по повышению стратегической предсказуемости и доверия, достижению глобального режима сдержанности и ответственности ядерных держав в плане взаимных обязательств и односторонних мер по предотвращению гонки вооружений и уменьшению ядерной опасности [Tannenwald 2020], сравнение ядерных доктрин и приоритетов для вооружённых

²⁹ См. также: Дворкин В.З. Постстратегическая стабильность и дестабилизирующие факторы // Независимое военное обозрение. 2013. № 6; Дворкин В.З. О «заблудших овцах и пастырях». Стратегическая стабильность в новых условиях // Независимое военное обозрение. 2014. № 4.

³⁰ Ядерное оружие и стратегическая стабильность: поиски российско-американского консенсуса в XXI веке. Доклад РСМД, 26 декабря 2012. URL: http://russiacouncil.ru/inner/?id_4=1221#top

сил, политических и экономических потенциалов всех крупных держав;

- продление действия нового договора СНВ, а при его отсутствии разработка механизма обеспечения максимально возможной транспарентности в области стратегических и ракет средней дальности – ранее предусмотренные новыми договорами по стратегическим наступательным вооружениям, ракетам средней и меньшей дальности;

- проработка новых концепций и сценариев сокращения СНВ, возможностей продумывания методов контроля или запрета космического, противоспутникового и использования кибероружия для враждебного воздействия на стратегические силы ядерных держав;

- согласование договорённости об отказе от воздействий на критически важные государственные и военные объекты, вывод из строя которых приведёт к срыву ответных действий ядерных сил, ненацеливание СНВ на объекты СПРН и системы управления ядерными силами, что по российской военной доктрине означало бы повод к применению ядерного оружия;

- продолжение усилий по вовлечению Китая, Великобритании и Франции в процесс ограничения стратегических вооружений – первоначально в виде обмена информацией о доктринах, стратегиях и арсеналах и проведения разносторонних консультаций;

- обсуждение взаимных озабоченностей в стратегической сфере между Соединёнными Штатами и Россией, Соединёнными Штатами и Китаем;

- укрепление режимов нераспространения оружия массового уничтожения, принятие комплекса мер по повышению эффективности и жизнеспособности Договора о нераспространении ядерного оружия, которому исполняется в этом году двадцать лет.

При этом следует понимать теоретическую сложность задачи, для решения которой потребовался бы комплексный многофакторный анализ на междисциплинарной основе – если такая задача сегодня вообще решается.

Б

В нынешних условиях гонка вооружений будет вестись в первую очередь по качественным параметрам; она будет крайне опасной и затратной, как констатируют в НАТО³¹. Для того чтобы избежать подобного сценария, который может стать неизбежным, необходимо переломить формирующуюся тенденцию и в инициативном порядке предложить программу конкретных мероприятий по предотвращению в будущем глубоких кризисов, аналогичных нынешнему.

Важнейшее значение для стратегической стабильности как в прошлом, так и сегодня принадлежит противоракетным вооружениям. США настолько ушли вперёд от остального мира в развитии высокоточных обычных вооружений, что в случае ликвидации значительных ядерных потенциалов других стран они обеспечили бы себе позиции безусловного мирового гегемона в военной области [Kokoshin 2011].

Что касается проблематики противоракетной обороны, то здесь мнение авторитетных исследователей однозначно. Сегодня нет ни одного нашего главного конструктора или непредвзятого и уважаемого, серьёзного специалиста, которые подтвердили бы заметное влияние в обозримой перспективе системы ПРО США на российский потенциал ядерного сдерживания³². Необходимо подчеркнуть, что к настоящему времени ведущие специалисты сделали вывод о том, что плотная система противоракетной обороны способна перехватить одиночные или малогрупповые

³¹ В НАТО заявили, что хотят избежать гонки вооружений. РИА Новости. 12.02.2020. URL: <https://ria.ru/20200212/1564601024.html>

³² Интервью с академиком РАН, генеральным конструктором СЯС Ю.С. Соломоновым // Военно-космическая оборона. №6 (63). 2011; *Рогов С., Есин В., Золотарёв П., Кузнецов В.* (2012). Стратегическая стабильность в XXI веке // Новое военное обозрение. № 43.

(несколько единиц) пуски баллистических ракет с простейшими средствами противодействия, но совершенно не способна снизить потенциал ядерного сдерживания России или Соединённых Штатов [Противоракетная оборона 2012].

Примерный паритет между стратегическими ядерными силами России и США сохранится в обозримой перспективе. По мнению генерал-полковника В. Есина, в будущем Россия вполне могла бы согласиться на примерную конфигурацию наших стратегических сил: порядка 400–500 развёрнутых стратегических носителей с 1000 развёрнутыми боезарядами, противоспутниковое оружие, десять стратегических ракетносцев, новые самолёты ПАК-ДА с гиперзвуковыми ракетами большой дальности.

В этой связи настало время определиться с угрозой от американской системы противоракетной обороны. В Москве, как представляется, существует понимание её фактического влияния. В сентябре 2015 года, выступая на форуме «Армия-2015», Президент России В.В. Путин заявил: «В текущем году состав ядерных сил пополнят более 40 новых межконтинентальных баллистических ракет, которые будут способны преодолевать любые, даже самые технически совершенные системы противоракетной обороны». Представляется, что новые типы российского стратегического арсенала, обнародованные в 2018 году, по видимому, отринули традиционную навязчивую идею об угрозе американской ПРО, и Москва уже более не заинтересована в каком-то новом договоре по противоракетной обороне, да и не рассчитывает на это. На стратегическую стабильность в её изначальном понимании – как баланс по-

тенциалов ядерного сдерживания СССР/ России и США – системы ПРО сторон действительно не влияют³³. Новейшие российские системы, объявленные Путиным в марте 2018 года³⁴, принципиально закрывают тему противоракетной обороны – Россия пробивает любую нынешнюю и перспективную систему США, – а следовательно, ненужной в противостоянии с ними³⁵.

Сценарий внезапного выбивания российских стратегических сил неядерными высокоточными средствами оспаривают многие авторитетные эксперты, так как атака ракетами с обычными боевыми частями не гарантирует 100%-го поражения всех стратегически важных объектов³⁶. Серьёзные эксперты представили детальные расчёты, показывающие невозможность одновременного удара высокоточными крылатыми ракетами даже по одному конкретному позиционному району ракетных войск стратегического назначения в европейской части страны с учётом размеров и геометрии целей, оценки необходимого количества крылатых ракет для надёжного поражения одного высокозащищённого объекта – шахтной пусковой установки, командного пункта – в зависимости от точности их попадания.

Сложнее обстоит дело с гиперзвуковыми стратегическими системами. Конфликт с использованием таких гиперзвуковых планирующих систем на больших расстояниях, в частности весьма короткое время от обнаружения до удара по цели плюс неоднозначность определения самой атакуемой цели, усложняет процесс принятия решения подвергшейся нападению стороны и может побудить её пойти на полномасштабный «ответно-встречный» (по опо-

³³ Дворкин В. (2012) Что способно разрушить стратегическую стабильность // Новое военное обозрение. № 28.

³⁴ Послание Президента Федеральному Собранию. 1 марта 2018 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957>.

³⁵ Интервью с академиком РАН, генеральным конструктором СЯС Ю.С. Соломоновым (2011) // Военно-космическая оборона. 2011. №6 (63); Рогов С., Есин В., Золотарев П., Кузнецов В. Стратегическая стабильность в XXI веке // Новое военное обозрение. 2012. № 43.

³⁶ Ахмеров Д., Ахмеров Е., Валеев М. 2015. По-быстрому не получится. Военно-промышленный курьер. URL: <http://vpk-news.ru/articles/27617>

вещению системы предупреждения о ракетном нападении) удар из-за предполагаемой угрозы его ядерной инфраструктуре и системе командования и управления стратегических наступательных вооружений. Это значительно подрывало бы нынешнюю стратегическую стабильность³⁷. Такая перспектива уже вызывает серьёзное беспокойство российских военных и, очевидно, станет одним из камней преткновения в вероятном дальнейшем диалоге с США по стратегическим вопросам.

Очевидно, что развернувшееся соревнование в развёртывании нового ядерного оружия и нынешний коллапс традиционного контроля над вооружениями требуют в будущем разработки качественно отличных подходов к сдерживанию и регулированию этих процессов. Появляющиеся технологии не нивелируют важность ядерных сил для обеспечения национальной безопасности ведущих держав. В частности, в параграфе 27 «Военной доктрины Российской Федерации» 2014 г. говорится о праве Москвы применить ядерное оружие «в ответ на применение против неё и (или) её союзников ядерного и других видов оружия массового поражения, а также в случае агрессии против Российской Федерации с применением обычного оружия, когда под угрозу поставлено само существование государства»³⁸. В опубликованных 2 июня 2020 г. «Основах государственной политики России в области ядерного сдерживания» подтверждается, что страна может применить ядерное оружие в случае, если его или иное оружие массового поражения используют против

России и союзников при атаке (воздействии) противника на критически важные государственные и военные объекты, вывод из строя которых приведёт к срыву ответных действий ядерных сил, а также при неядерной агрессии против России, которая поставит под угрозу само существование государства (п. 19)³⁹.

Отсюда и отказ России присоединиться к Договору о запрещении ядерного оружия, открытому для подписания в июле 2017 года. Этот документ не отвечает интересам российской национальной безопасности. Более того, есть основания опасаться, что он может негативно сказаться на положении дел на международной арене, прежде всего в сфере ядерного нераспространения. В ней присутствуют элементы политической наивности, да и пропагандистские мотивы. Как заявило Министерство иностранных дел России: «Разработка запретительной конвенции объясняется стремлением незамедлительно устранить ядерную угрозу, как это декларируют участники переговоров. Задача, несомненно, благородная, но они избрали для её решения, мягко говоря, не самый рациональный и продуктивный путь». Между тем Россия и Соединённые Штаты в рамках выполнения двухсторонних договорённостей за последние тридцать лет сократили свои ядерные арсеналы более чем в пять раз⁴⁰.

По мнению российской дипломатии, ДНЯО полностью отвечает на вызовы в сфере ядерного нераспространения и никаких доработок не требует. Любая попытка улучшить договор может привести к его краху –

³⁷ *Acton J.* Supplement to Hypersonic Boost-Glide Weapons'. 2015. P. 2–4. URL: http://scienceandglobalsecurity.org/archive/sgs23acton_app.pdf; Hypersonic Weapons. A Challenge and Opportunity for Strategic Arms Control. United Nations Office for Disarmament Affairs and the United Nations Institute for Disarmament Research. New York, 2019. URL: <https://www.un.org/disarmament/publications/more/hypersonic-weapons-a-challenge-and-opportunity-for-strategic-arms-control/>; *Speier R., Nacouzi G., Lee C., Moore R.* Hypersonic Missile Nonproliferation: Hindering the Spread of a New Class of Weapons, RAND Corporation, Santa Monica, 2017. URL: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/research_reports/RR2100/RR2137/RAND_RR2137.pdf

³⁸ Президент утвердил новую редакцию Военной доктрины, 26 декабря 2014 года. <http://kremlin.ru/events/president/news/47334>

³⁹ Указ Президента Российской Федерации от 02.06.2020 г. № 355 «Об Основах государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания».

⁴⁰ В МИДе объяснили неприсоединение к конвенции о запрещении ядерного оружия, 29 июня 2017. URL: <https://www.atomic-energy.ru/news/2017/06/29/77290>.

слишком это хрупкая конструкция, слишком многоплановы противоречия между государствами-участниками. Очевидно, что запрет и полное уничтожение ядерного оружия достижимы теоретически, но пока не на практике: для этого нужны качественно новые условия в мировых делах и, более того, кардинально инновационная ситуация со стратегической стабильностью.

Для построения безъядерного мира надо обеспечить совершенно новое качество международных отношений и безопасности, гарантировать равную и неделимую коллективную безопасность всех государств, ликвидировать рецидивы и стереотипы недоверия, взаимной подозрительности и враждебности, отказаться от попыток решения спорных вопросов силой и путём навязывания двойных стандартов. В идеале мир должен эволюционировать в сообщество миролюбивых и — при всех цивилизационных и национальных особенностях — демократических государств с действенной системой мирного разрешения споров, укоренения принципа неприменения силы и угрозы её применения. Безопасность государств должна адекватно обеспечиваться с помощью обычных сил.

Нынешняя тенденция в области развития передовых технологий грозит открытием новых каналов гонки вооружений. В этой связи нам было бы полезно сформировать новые инициативы по традиционным темам российской дипломатии в области разоружения по ограничению стратегических наступательных вооружений и даже, несмотря на американскую обструкцию, противоракетной обороны, испытаниям противоспутникового оружия, и в будущем — гиперзвуковых систем стратегической дальности и дронов. В конечном счёте могут быть предприняты и более далекоидущие шаги [Reif, Mizin 2017]. Нам не стоит уходить от обсуждения рамок будущих сокращений стратегических вооружений — при понимании, что, по мнению Москвы, они возможны лишь с учётом всех факторов стратегической стабильности. Россия могла бы тщательно разработать на экспертной основе и продвигать комплекс-

ный пакет инициатив в сфере нераспространения и дальнейшего ограничения ядерных вооружений — без какого-либо ущерба для национальных интересов.

Ещё в выступлении на заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай» 24 октября 2014 г. Президент России В.В. Путин подчёркивал, что Москва настаивает на продолжении переговоров по сокращению ядерных арсеналов и готова к самому серьёзному предметному разговору по вопросам ядерного разоружения — естественно, без двойных стандартов.

В любом случае все будущие договорённости должны быть юридически обязательными и поддающимися проверке соглашениями, основанными не на конференциях и пустопорожних обсуждениях идей многостороннего сдерживания, а на согласованных принципах.

Сам термин «стратегическая стабильность» выглядит настолько удачным и привлекательным, что его начинают трактовать весьма произвольно, придавая ему то значение, которого он никогда ранее не имел. Сторонники нового видения рассуждают о якобы архаичности традиционного контроля над вооружениями, фактически ставя под сомнение полезность существующих договорённостей по ограничению и сокращению ядерных вооружений, которые базируются на традиционном понимании этого термина. Очевидно, что обсуждение проблемы стратегической стабильности с США с позиции «нового видения» заведомо обречено на провал. Новое видение стратегической стабильности не только не помогает контролю над ядерными вооружениями, но и препятствует достижению новых соглашений в данной области [Савельев 2019].

* * *

На фоне появления новых факторов непосредственные шаги по определению параметров будущей стратегической стабильности должны быть в высшей степени целенаправленными, ориентированными — на первом этапе — прежде всего на заключение максимально прагматичного соглаше-

ния по дальнейшим мерам контроля над вооружениями. В среднесрочной и долгосрочной перспективе важно создать всеобъемлющие концептуальные механизмы для налаживания диалога с западными партнёрами по фундаментальным вопросам стратегической стабильности. Они могут касаться оценки военно-стратегической ситуации в мире и перспектив её развития; определения и философии стратегической стабильности в новых условиях; механизмов сдерживания, мер укрепления доверия и механизмов предотвращения военных столкновений и ограничения гонки вооружений; ядерных доктрин и приоритетов вооружённых сил. Будет ли это концепцией, разработанной совместно Россией и США, или концепцией многосторонней — такой вопрос необходимо прояснить в процессе дипломатических консультаций. Россия и США могли бы активизировать дискуссии по всему комплексу проблем стратегической стабильности, сравнению военных

доктрин друг друга, устранению взаимных озабоченностей и укреплению доверия, включая вопросы противоракетной обороны, космических и высокоточных обычных вооружений. Это, без сомнения, комплексная программа многофакторных исследований на широкой междисциплинарной основе, учитывающая чрезвычайную сложность генерирующего алгоритма. Тем не менее ввиду общего политического климата консультации по вопросам стратегической стабильности между Россией и Соединёнными Штатами пока что не привели к каким-либо ощутимым результатам.

При всех сложностях во взаимоотношениях двух стран и противоречиях нашего времени, в условиях полного отсутствия взаимного доверия, коллективная работа над поиском параметров новой парадигмы стратегической стабильности для XXI века действительно представляется императивом с точки зрения обеспечения основ глобальной безопасности.

Список литературы

- Антонов А.И. Контроль над вооружениями. История, состояние, перспективы, М.: РОССПЭН, 2012. 132 с.
- Арбатов А.Г. Угрозы стратегической стабильности — мнимые и реальные // Полис. Политические исследования. 2018. № 3. С. 7–29.
- Арбатов А. Контроль над ядерным оружием: конец истории? // Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 5. С. 5–18.
- Арбатов А.Г. Вооружения и дипломатия // Мировая экономика и международные отношения. 2020. № 6. С. 9–23.
- Барановский В.Г. Трансформация глобального миропорядка: динамика системных изменений // Полис. Политические исследования. 2017. № 3. С. 71–91.
- Белобров Ю. Эволюция политики НАТО по сдерживанию СССР и России // Международная жизнь. 2020. № 6. С. 22–33.
- Влияние технологических факторов на параметры угроз национальной и международной безопасности, военных конфликтов и стратегической стабильности / Под ред. А.А. Кокошина. М.: Изд-во Московского университета, 2017. 478 с.
- Дворкин В.З. Стратегическая стабильность: сохранить или разрушить? Московский центр Карнеги. 28 ноября 2018. URL: <https://carnegie.ru/2018/11/28/ru-pub-77809>
- Кокошин А.А. Стратегическая стабильность в условиях критического обострения международной обстановки // Полис. Политические исследования. 2018. № 4. С. 7–21.
- Майло А.В. Цветные революции в контексте гибридных войн // Право и политика. 2015. № 10. С. 1400–1405.
- Мизин В.И. Новые контуры стратегической стабильности и перспективы контроля над стратегическими вооружениями // Пути к миру и безопасности. 2019. № 1(56). С. 96–121.
- Михайленко А.Н. Двойные стандарты в современной мировой политике // Этносоциум. 2015. № 5(83). С. 26–35.
- Михеев В.В., Луконин С.А., Игнатьев С.В. К вопросу о перспективах Китая как глобального лидера // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2017. Т. 10. № 5. С. 152–161.
- Ноздрин А.В. Политика двойных стандартов в международных отношениях // Актуальные проблемы современных международных отношений. 2013. № 1. С. 79–83.

- Подлесный П.* Холодная война 2.0 и политика сдерживания России. Россия и Америка в XXI веке. 2018. №3. DOI: 10.18254/S0000043-4-1
- Противоракетная оборона: противостояние или сотрудничество? / Под ред. А. Арбатова, В. Дворкина. М.: РОССПЭН, 2012. 367 с.
- Савельев А.* Россия—США: на пороге новой гонки ядерных вооружений. Российский совет по международным делам. 16 июля 2019 года. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiya-ssha-na-poroge-novoy-gonki-yadernykh-vooruzheniy/>
- Тренин Д.В.* Стратегическая стабильность в меняющемся мире. Московский центр Карнеги. Март 2019. URL: <https://carnegie.ru/2019/03/21/strategic-stability-in-changing-world-pub-78650>
- Эктон Дж.* Серебряная пуля. Московский центр Карнеги. 2014. URL: https://carnegieendowment.org/files/ActonReport_web_Russ2014.pdf
- Al-Kassimi K.* The Obsolescence of the Westphalian Model and the Return to A Maximum State of Exception // Journal of Political Sciences & Public Affairs. 2016. No. S2. DOI: 10.4172/2332-0761.S2-007
- Arbatov A.* A New Era of Arms Control: Myths, Realities and Options. Carnegie Moscow Center. October 24, 2019. URL: <https://carnegie.ru/commentary/80172>;
- Arbatov A.* Challenges of the New Nuclear Era: The Russian Perspective // Meeting the Challenges of the New Nuclear Age: US and Russian Nuclear Concepts, Past and Present / L. Brooks, F.J. Gavin, A. Arbatov. American Academy of Arts and Sciences, 2018. P. 30–31.
- Arbatov A.* Mad Momentum Redux? The Rise and Fall of Nuclear Arms Control // Survival. 2019. Vol. 61. No. 3. P. 7–38.
- Brodie B.* Strategy in the Missile Age. Princeton: Princeton University Press, 1959. 423 p.
- Brooks L.F.* The End of Arms Control? // Daedalus. 2020. Vol. 149. No. 2. P. 84–100.
- Bull H.* The Anarchical Society: A Study of Order in World Politics. London: Macmillan International Higher Education, 1977. 335 p.
- Colby E.A.* Defining Strategic Stability: Reconciling Stability and Deterrence // Strategic Stability: Contending Interpretations / ed. by E.A. Colby, M.S. Gerson. Army War College Press, 2018. P. 47–83.
- Danner L.K.* China's hegemonic intentions and trajectory: Will it opt for benevolent, coercive, or Dutch style hegemony? // Asia and Pacific Policy Studies. 2019. Vol. 6. No. 2. P. 186–207.
- Drezner D., Krebs R., Schweller R.* The End of Grand Strategy. America Must Think Small // Foreign Affairs. 2020. Vol. 99. No. 3. P. 107–117.
- Dryzek J.S.* Global civil society: The progress of post-Westphalian politics // Annual Review of Political Science. 2012. Vol. 15. P. 101–119.
- Dvorkin V.* The Role of Russian tactical nuclear weapons and the problems of their control: Working paper for Warsaw Workshop: Prospects for Information Sharing and Confidence-building on Non-Strategic Nuclear weapons in Europe. Warsaw; Addressing Nonstrategic Nuclear Forces / CEIP; Euro-Atlantic Security Initiative. 2013. URL: http://carnegieendowment.org/WGP_AddressingsNSNW_FINAL.pdf
- Enthoven A.C., Smith K.V.* How Much Is Enough? Shaping the Defense Program, 1961–1969. Harper & Row Publishers, 1971. 366 p.
- Ford C.A.* Arms Control and Disarmament: Adjusting to a New Era // Arms Control and International Security Papers. 2020. Vol. 11. No. 7. URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2020/06/T-Paper-series-Sandia-Disarmament-Retrospective-508.pdf>
- Gallagher N.* Re-Thinking the Unthinkable: Arms Control in the Twenty-First Century // The Nonproliferation Review. 2015. Vol. 22. No. 3–4. P. 469–498.
- Gottemoeller R.* The Future of Arms Control. Rethinking Nuclear Arms Control // The Washington Quarterly. 2020. Vol. 43. No. 3. P. 139–159.
- Gray C.S.* The Urge to Compete: Rationales for Arms Racing // World Politics. Vol. 26, No. 2. 1974. P. 207–233.
- Haas R.A.* World in Disarray: American Foreign Policy and the Crisis of the Old Order. N.Y.: Penguin Press, 2018. 359 p.
- Kahn H.* On Thermonuclear War. Princeton: Princeton University Press, 1960. 651 p.
- Kissinger H.* Nuclear Weapons and Foreign Policy. New York: Harper Bros., 1957. 259 p.
- Koblentz G.D.* Strategic Stability in the Second Nuclear Age. Council on Foreign Relations. Council Special Report № 71. 2014. 65 p.
- Kokoshin A.* Ensuring Strategic Stability in the Past and Present: Theoretical and Applied Questions. Belfer Center for Science and International Affairs Harvard Kennedy School, June 2011. URL: <https://www.belfercenter.org/sites/default/files/legacy/files/Ensuring%20Strategic%20Stability%20by%20A.%20Kokoshin.pdf>
- Kreuder-Sonnen C., Zangl B.* Which post-Westphalia? International organizations between constitutionalism and authoritarianism // European Journal of International Relations. 2015. Vol. 21. No. 3. P. 568–594.
- Kristensen H.M., Korda M.* Tactical nuclear weapons, 2019 // Bulletin of the Atomic Scientists. 2019. Vol. 75. No. 5. P. 252–261.

- McCuen J.J.* Hybrid wars // *Military Review*. 2008. Vol. 88. No. 2. P. 107.
- Miller S.E.* A Nuclear World Transformed: The Rise of Multilateral Disorder // *Daedalus*. 2020. Vol. 149. No. 2. P. 17–36. DOI: 0.1162/DAED_a_01787
- Murray W., Mansoor P.R.* *Hybrid Warfare: Fighting Complex Opponents from the Ancient World to the Present*. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. 321 p.
- Osgood R.E.* *Limited War: the challenge to American strategy*. Chicago: University of Chicago Press, 1957. 315 p.
- Ostrom E.* Beyond Markets and States: Polycentric Governance of Complex Economic Systems // *American Economic Review*. 2010. Vol. 100. No. 3. P. 641–672.
- Pranay V., Acton J.M.* A ReSTART for U.S.-Russian Nuclear Arms Control: Enhancing Security Through Cooperation. Carnegie Endowment for International Peace. October 2, 2020. URL: <https://carnegieendowment.org/2020/10/02/restart-for-u.s.-russian-nuclear-arms-control-enhancing-security-through-cooperation-pub-8270>
- Putin's Grand Strategy: The Eurasian Union and Its Discontents / ed. by S. F. Starr, S. E. Cornell. Washington D.C.: Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program – A Joint Transatlantic Research and Policy Center Johns Hopkins University-SAIS, 2014. URL: <https://www.silkroadstudies.org/resources/1409GrandStrategy.pdf>
- Radin A., Reach C.* Russian Views of the International Order. Santa Monica: RAND Corporation, 2017. URL: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR1826.html
- Reif K., Mizin V.* A Two-Pronged Approach to Revitalizing U.S.-Russia Arms Control. Deep Cuts Working Paper No. 10. 2017. URL: https://deepcuts.org/images/PDF/DeepCuts_WP10_ReifMizin.pdf
- Rumer E.* A Farewell to Arms Control. Carnegie Endowment for International Peace, April 17, 2018. URL: <https://carnegieendowment.org/2018/04/17/farewell-to-arms-arms-control-pub-76088>
- Schelling T.C.* The Reciprocal Fear of Surprise Attack. Santa Monica: RAND, 1958. 30 p.
- Schelling T.C.* The Strategy of Conflict. Cambridge, MA: Harvard University, 1960. 247 p.
- Spruyt H.* The end of empire and the extension of the Westphalian system: the normative basis of the modern state order // *International Studies Review*. 2000. Vol. 2. No. 2. P. 65–92.
- Tannenwald N.* Life beyond Arms Control: Moving toward a Global Regime of Nuclear Restraint & Responsibility // *Daedalus*. 2020. Vol. 149. No. 2. P. 205–221.
- Trenin D.* Mapping Global Strategic Stability in the Twenty-First Century. Moscow Center Carnegie. November 1, 2018. URL: <https://carnegie.ru/commentary/77625>
- Vaughan M.* After Westphalia, whither the nation state, its people and its governmental institutions? A Paper for Presentation at the International Studies Association Asia-Pacific Regional Conference. 2011. URL: <https://core.ac.uk/display/15137505>
- Wohlstetter A.* The Delicate Balance of Terror // *Foreign Affairs*. 1959. Vol. 37. No. 2. P. 211–234.
- Yost D.* Strategic Stability in the Cold War. Lessons for Continuous Challenges. IFRI Proliferation Paper No. 36, Winter 2011. URL: <https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/pp36yost.pdf>
- Zagorski A.* Russia's Tactical Nuclear Weapons: Posture, Politics and Arms Control. IFSH. 2011. URL: <http://ifsh.de/pdf/publikationen/hb/hb156.pdf>

OUTLINES OF STRATEGIC STABILITY IN GLOBAL MULTIPOLAR COMPETITION

VICTOR MIZIN

MGIMO University, Moscow, 119454, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the problems of ensuring strategic stability and the task of a comprehensive study of the current situation with strategic stability, developing new approaches to it, taking into account modern realities in the context of a crisis in the international situation, especially in relations between Russia and NATO, Russia and the United States. According to President Vladimir Putin, as a result, the system of strategic stability in the world continues to degrade. The main factors of this aggravation are

analyzed. The task is to develop new foundations for strategic stability and assess its global parameters. The new concept of strategic stability can no longer be focused solely on the priority of preventing nuclear conflict between major nuclear powers, but must also take into account the totality of factors that determine the security situation in the realities of the modern world order. An analysis of the long-overdue systemic shift in world processes is arguably impossible without a fundamental re-evaluation of the entire perception of international security, and, above all, the concept of strategic stability, which is the theoretical basis of military policy and theoretical approaches to arms control. Academic community needs to develop a fundamentally innovative strategy for arms control in the new environment. Whether this will be a bilateral Russian-American format or a multilateral arrangement is a question that needs to be clarified in the course of diplomatic consultations. The required concept should obviously be both interdisciplinary (covering with various methodological tools a number of sciences such issues as strategic nuclear weapons, non-strategic nuclear systems, missile defense, "prompt global conventional strike", hypersonic, cyberwarfare, space, beam, drones and other "exotic" types of weapons), and multilateral (that is, it should take into account the nuclear forces and nuclear potential of "third" countries, and not just the two traditional rivals – Russia and the United States). Such a concept of strategic stability should thus be much more "holistic" and comprehensive, covering not only the military potential of the leading powers, but also taking into account their political relations and divergences, the imperative of providing restraint and preventing major conflicts in the modern world. As such, it involves a comprehensive study of the crisis realities in the international system, primarily in the Russia–NATO and Russia–US "dyads" interrelationship against the background of the emergence of new nuclear weapons stakeholders. Among other things, these factors in the global balance of power make it impossible to proceed to a nuclear-free world in the foreseeable future. In this regard, the author sets the task for the expert community to formulate certain concrete ways to implement new conceptual frameworks for assessing the global parameters of the world system's evolution, and to develop pragmatic initiatives that can be taken to improve overall stability and interaction between the United States, NATO, Russia, and other emerging global actors.

Keywords:

global security; arms control; nuclear weapons; emerging technologies; strategic stability; multipolarity; Russia; United States; China; strategic balance; deterrence.

References

- Action J. (2014). *Serebryannaya pulya* [Silver Bullet]. Moscow Carnegie Center. URL: https://carnegieendowment.org/files/ActonReport_web_Russ2014.pdf
- Al-Kassimi K. (2016). The Obsolescence of the Westphalian Model and the Return to A Maximum State of Exception. *Journal of Political Sciences & Public Affairs*. No. S2. DOI: 10.4172/2332-0761.S2-007
- Antonov A.I. (2012). *Kontrol' and vooruzheniyami. Istoriya, sostoyanie, perspektivy* [Arms Control. History, Current State and Prospects]. Moscow: ROSSPEN. 132 p.
- Arbatov A. G. (2018a). Challenges of the New Nuclear Era: The Russian Perspective. In: Brooks L., Gavin F.J., Arbatov A. (eds) *Meeting the Challenges of the New Nuclear Age: US and Russian Nuclear Concepts, Past and Present*. American Academy of Arts and Sciences. P. 30–31.
- Arbatov A. G. (2019a). *A New Era of Arms Control: Myths, Realities and Options*. Carnegie Moscow Center. URL: <https://carnegie.ru/commentary/80172>
- Arbatov A. G. (2019b). Mad Momentum Redux? The Rise and Fall of Nuclear Arms Control. *Survival*. Vol. 61. No. 3. P. 7–38.
- Arbatov A.G. (2015). Kontrol' nad yadernym oruzhiem: konets istorii? [Control over Nuclear Weapons: the End of History?]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. No. 5. P. 5–18.
- Arbatov A.G. (2018b). Ugrozy strategicheskoy stabil'nosti – mnimye i real'nye. *Politicheskie issledovaniya*. No. 3. P. 7–29.
- Arbatov A.G. (2020). Vooruzheniya i diplomatiya [Arms and Diplomacy]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. No. 6. P. 9–23.
- Arbatov A.G., Dvorkin V. (eds) (2012). *Protivoraketnaya oborona: protivostoyanie ili sotrudnichestvo?* [Anti-Missile Defense: Confrontation or Cooperation?] Moscow: ROSSPEN. 367 p.
- Baranovsky V.G. (2017). Transformatsiya global'nogo miroporyadka: dinamika sistemnykh izmenenij [Transformation of the Global World Order: Dynamics of Systemic Transformations]. *Politicheskie issledovaniya*. No. 3. P. 71–91.

- Belobrov Yu. (2020). Evolutsiya politiki NATO po sderzhivaniyu SSSR i Rossii [Evolution of the NATO Policy for Containment of the USSR and Russia]. *Mezhdunarodnaya zhizn'*. No. 6. P. 22–33.
- Brodie B. (1959). *Strategy in the Missile Age*. Princeton: Princeton University Press. 423 p.
- Brooks L. F. (2020). The End of Arms Control? *Daedalus*. Vol. 149. No. 2. P. 84–100.
- Bull H. (1977). *The Anarchical Society: A Study of Order in World Politics*. London: Macmillan International Higher Education. 335 p.
- Colby E.A. (2018). Defining Strategic Stability: Reconciling Stability and Deterrence. In: Colby E.A., Gerson M.S. (eds) *Strategic Stability: Contending Interpretations*. Army War College Press. P. 47–83.
- Danner L. K. (2019). China's hegemonic intentions and trajectory: Will it opt for benevolent, coercive, or Dutch style hegemony? *Asia and Pacific Policy Studies*. Vol. 6. No. 2. P. 186–207.
- Drezner D., Krebs R., Schweller R. (2020). The End of Grand Strategy. *America Must Think Small. Foreign Affairs*. Vol. 99. No. 3. P. 107–117.
- Dryzek J. S. (2012). Global civil society: The progress of post-Westphalian politics. *Annual Review of Political Science*. Vol. 15. P. 101–119.
- Dvorkin V.Z. (2018). *Strategicheskaya stabil'nost': sokhranit' ili razrushit'?* [Strategic Stability: to Save or to Destroy?] Moscow Carnegie Center. URL: <https://carnegie.ru/2018/11/28/ru-pub-77809>
- Dvorkin V. (2013). *The Role of Russian tactical nuclear weapons and the problems of their control: Working paper for Warsaw Workshop: Prospects for Information Sharing and Confidence-building on Non-Strategic Nuclear Weapons in Europe*. Warsaw; Addressing Nonstrategic Nuclear Forces / CEIP; Euro-Atlantic Security Initiative. URL: http://carnegieendowment.org/WGP_AddressingsNSNW_FINAL.pdf
- Enthoven A. C., Smith K. V. (1971). How Much Is Enough? Shaping the Defense Program, 1961–1969. Harper & Row Publishers. 366 p.
- Ford C. A. (2020). Arms Control and Disarmament: Adjusting to a New Era. *Arms Control and International Security Papers*. Vol. 11. No. 7. URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2020/06/T-Paper-series-Sandia-Disarmament-Retrospective-508.pdf>
- Gallagher N. (2015). Re-Thinking the Unthinkable: Arms Control in the Twenty-First Century. *The Nonproliferation Review*. Vol. 22. No. 3–4. P. 469–498.
- Gottemoeller R. (2020). The Future of Arms Control. Rethinking Nuclear Arms Control. *The Washington Quarterly*. Vol. 43. No. 3. P. 139–159.
- Gray C.S. (1974). The Urge to Compete: Rationales for Arms Racing. *World Politics*. Vol. 26. No. 2. P. 207–233.
- Haas R. A. (2018). *World in Disarray: American Foreign Policy and the Crisis of the Old Order*. N.Y.: Penguin Press. 359 p.
- Kahn H. (1960). *On Thermonuclear War*. Princeton: Princeton University Press. 651 p.
- Kissinger H. (1957). *Nuclear Weapons and Foreign Policy*. New York: Harper Bros. 259 p.
- Koblentz G. D. (2014). *Strategic Stability in the Second Nuclear Age*. Council on Foreign Relations. Council Special Report № 71. 65 p.
- Kokoshin A. (2011). *Ensuring Strategic Stability in the Past and Present: Theoretical and Applied Questions*. Belfer Center for Science and International Affairs Harvard Kennedy School. URL: <https://www.belfercenter.org/sites/default/files/legacy/files/Ensuring%20Strategic%20Stability%20by%20A.%20Kokoshin.pdf>
- Kokoshin A.A. (2018). Strategicheskaya stabil'nost' v usloviyakh kriticheskogo obostreniya mezhdunarodnoj obstanovki [Strategic Stability under Critical Aggravation of International Situation]. *Politicheskie issledovaniya*. No. 4. P. 7–21.
- Kokoshin A.A. (ed.) (2017). *Vliyaniye tekhnologicheskikh faktorov na parametry ugroz natsional'noj i mezhdunarodnoj bezopasnosti, voennykh konfliktov i strategicheskoy stabil'nosti* [The Impact of Technological Factors on the Parameters of Threats to the National and International Security, Military Conflicts and Strategic Stability]. Moscow: Moscow University. 478 p.
- Kreuder-Sonnen C., Zangl B. (2015). Which post-Westphalia? International organizations between constitutionalism and authoritarianism. *European Journal of International Relations*. Vol. 21. No. 3. P. 568–594.
- Kristensen H. M., Korda M. (2019). Tactical nuclear weapons, 2019. *Bulletin of the Atomic Scientists*. Vol. 75. No. 5. P. 252–261.
- Manojlo A.V. (2015). Tsvetnye revolyutsii v kontekste gibridnykh vojn [Colour Revolutions in the Context of Hybrid Wars]. *Pravo i politika*. No. 10. P. 1400–1405.
- McCuen J. J. (2008). Hybrid wars. *Military Review*. Vol. 88. No. 2. P. 107.
- Mikhailenko A.N. (2015). Dvoynnye standarty v sovremennoj mirovoj politike [Double Standards in the Current World Politics]. *Etnosotsium*. No. 5(83). P. 26–35.
- Mikheev V.V., Lukonin S.A., Ignatiev S.V. (2017). K voprosu o perspektivakh Kitaya kak global'nogo lidera [To the question of Chinese prospects as a Global Leader]. *Kontury global'nykh transformatsij: politika, ekonomika, pravo*. Vol. 10. No. 5. P. 152–161.

- Miller S.E. (2020). A Nuclear World Transformed: The Rise of Multilateral Disorder. *Daedalus*. Vol. 149. No. 2. P. 17–36. DOI: 0.1162/DAED_a_01787
- Mizin V.I. (2019). Novye kontury strategicheskoy stabil'nosti i perspektivy kontrolya and strategicheskimi vooruzheniyami [New Contours of Strategic Stability and Prospects of Control over Strategic Arms]. *Puti k miru i bezopasnosti*. No. 1(56). P. 96–121.
- Murray W., Mansoor P. R. (2012). *Hybrid Warfare: Fighting Complex Opponents from the Ancient World to the Present*. Cambridge: Cambridge University Press. 321 p.
- Nozdryn A.V. (2013). Politika dvoynyx standartov v mezhdunarodnykh otnosheniyakh [Policy of Double Standards in International Relations]. *Aktual'nye problem sovremennykh mezhdunarodnykh otnoshenij*. No. 1. P. 79–83.
- Osgood R.E. (1957). *Limited War: the challenge to American strategy*. Chicago: University of Chicago Press. 315 p.
- Ostrom E. (2010). Beyond Markets and States: Polycentric Governance of Complex Economic Systems. *American Economic Review*. Vol. 100. No. 3. P. 641–672.
- Podlesnyj P. (2018). Kholodnaya vojna 2.0 i politika sderzhivaniya Rossii [Cold War 2.0 and Policy of Containing Russia]. *Rossiya i Amerika v XXI veke*. No. 3. DOI: 10.18254/S0000043-4-1
- Pranay V., Acton J. M. (2020). *A ReSTART for U.S.-Russian Nuclear Arms Control: Enhancing Security Through Cooperation*. Carnegie Endowment for International Peace. URL: <https://carnegieendowment.org/2020/10/02/restart-for-u.s.-russian-nuclear-arms-control-enhancing-security-through-cooperation-pub-8270>
- Radin A., Reach C. (2017). *Russian Views of the International Order*. Santa Monica: RAND Corporation. URL: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR1826.html
- Reif K., Mizin V. (2017). *A Two-Pronged Approach to Revitalizing U.S.-Russia Arms Control*. Deep Cuts Working Paper No. 10. URL: https://deepcuts.org/images/PDF/DeepCuts_WP10_ReifMizin.pdf
- Rumer E. (2018). *A Farewell to Arms Control*. Carnegie Endowment for International Peace. URL: <https://carnegieendowment.org/2018/04/17/farewell-to-arms-.-.-control-pub-76088>
- Savel'ev A. (2019). *Rossiya-SSHA: na poroge novoj gonki vooruzhenij* [Russia-USA: on the Verge of New Arms Race]. Rossijskij sovet po mezhdunarodnym delam. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiya-ssha-na-poroge-novoy-gonki-yadernykh-vooruzhenij/>
- Schelling T. C. (1958). *The Reciprocal Fear of Surprise Attack*. Santa Monica: RAND. 30 p.
- Schelling T. C. (1960). *The Strategy of Conflict*. Cambridge, MA: Harvard University. 247 p.
- Spruyt H. (2000). The end of empire and the extension of the Westphalian system: the normative basis of the modern state order. *International Studies Review*. Vol. 2. No. 2. P. 65–92.
- Starr S. F., Cornell S. E. (eds) (2014). *Putin's Grand Strategy: The Eurasian Union and Its Discontents*. Washington D.C.: Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program – A Joint Transatlantic Research and Policy Center Johns Hopkins University-SAIS. URL: <https://www.silkroadstudies.org/resources/1409GrandStrategy.pdf>
- Tannenwald N. (2020). Life beyond Arms Control: Moving toward a Global Regime of Nuclear Restraint & Responsibility. *Daedalus*. Vol. 149. No. 2. P. 205–221.
- Trenin D. (2018). *Mapping Global Strategic Stability in the Twenty-First Century*. Moscow Center Carnegie. URL: <https://carnegie.ru/commentary/77625>
- Trenin D.V. (2019). *Strategicheskaya stabil'nost' v menyayuschemsya mire* [Strategic Stability in the Changing World]. Moscow Carnegie Center. URL: <https://carnegie.ru/2019/03/21/strategicheskaya-stabilnost-v-menyayuschemsya-mire-pub-78650>
- Vaughan M. (2011). *After Westphalia, whither the nation state, its people and its governmental institutions?* A Paper for Presentation at the International Studies Association Asia-Pacific Regional Conference. URL: <https://core.ac.uk/display/15137505>
- Wohlsetter A. (1959). The Delicate Balance of Terror. *Foreign Affairs*. Vol. 37. No. 2. P. 211–234.
- Yost D. (2011). *Strategic Stability in the Cold War. Lessons for Continuous Challenges*. IFRI Proliferation Paper No. 36. URL: <https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/pp36yost.pdf>
- Zagorski A. (2011). *Russia's Tactical Nuclear Weapons: Posture, Politics and Arms Control*. IFSH. URL: <http://ifsh.de/pdf/publikationen/hb/hb156.pdf>